

Предательство – большой бизнес

18+

ДО МОЗГА
КОСТЕЙ

РЕБЕККА ШЕФФЕР

Монстрология

Ребекка Шеффер

До мозга костей

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)

Шеффер Р.

До мозга костей / Р. Шеффер — «Издательство АСТ»,
2018 — (Монстрология)

ISBN 978-5-17-113587-4

Нита расчленяет монстров. Ее мать их убивает и приносит дочери, чтобы потом продать органы и части тела в интернете. Но однажды мама приводит домой живое создание. Нита решает: это уже слишком, и, спасая жертву, сама в качестве товара оказывается на Рынке смерти, самом большом рынке по продаже частей тел сверхъестественных существ, ведь она... тоже монстр. Нита совершила благородный поступок – и лишилась всего. Теперь, чтобы спастись, ей придется совершить много плохих.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-113587-4

© Шеффер Р., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ребекка Шеффер

До мозга костей

*Для всех тех, кто осознает, что граница между добром и злом
более размытая, чем люди хотят признать*

Глава 1

Нита оставилась на мертвое тело, лежащее на кухонном столе. Пухлый мужчина средних лет, одетый в обычный деловой костюм. На глазах – очки в металлической оправе с серебряными дужками, которые сливались с сединой его висков. По внешнему виду он ничем не отличался от других, но внутри у него – совсем другое дело.

– Еще один занни? – хмуро посмотрев на маму, спросила Нита, затем скрестила руки на груди и продолжила осматривать тело. – Этот даже не латиноамериканский. Я думала, мы переехали в Перу, чтобы охотиться на южно- и центральноамериканских сверхъестественных существ. Чупакабр, пиштако и прочих.

Не то чтобы занни были обычным явлением, но Нита препарировала довольно многих из них в Юго-Восточной Азии, где они провели с мамой несколько месяцев в прошлом году. Она с нетерпением ждала возможности препарировать кого-то нового. Если бы Ните хотелось расчленять тех же сверхъестественных существ, каких она расчленяла обычно, она осталась бы с отцом в Штатах и работала бы с единорогами.

Мать пожала плечами и повесила на стул свой пиджак.

– Я увидела занни, поэтому убила его. Он был прямо передо мной. Как я могла устоять? – Она слегка улыбнулась и опустила голову, и ее челка, выкрашенная в черно-красные полосы, упала на глаза.

Нита переступила с ноги на ногу, снова посмотрела на труп и вздохнула.

– Полагаю, ты хочешь, чтобы я расчленила его и упаковала для продажи?

– Хорошая девочка, – улыбнулась мать.

Нита обошла тело и встала с другой его стороны.

– Поможешь мне перенести его в мастерскую?

Мать закатала рукава, и они вместе протащили пухлое, обманчиво тяжелое тело по коридору и положили его на гладкий металлический стол в другой комнате. Белые стены и люминесцентные лампы придавали ей вид операционной. На полках аккуратными рядами лежали скальпели и хирургические пилы, а перед ящиком с банками стояли весы для взвешивания органов. Из находившейся в углу ванной с формалином веяло запахом смерти. Он распространился за пределы комнаты и пропитывал одежду Ниты. Как ни странно, запах успокаивал. Вероятно, это плохой знак.

Но если бы Нита была честна сама с собой, то признала бы, что большинство ее привычек и решений – это плохие знаки.

Мама подмигнула ей.

– Все готово и ждет тебя.

Нита посмотрела на часы.

– Уже почти полночь.

– И?

– И я хочу немного поспать.

– Еще успеешь, – отмахнулась мать. – Тебе все равно незачем рано вставать.

Нита секунду помедлила, а затем, соглашаясь, склонила голову. Прошло уже много лет с тех пор, как мать решила забрать Ниту из школы, а у той все еще оставался какой-то инстинкт, который не позволял ей ложиться спать слишком поздно. Это было глупо, ведь даже если бы она ходила в школу, то с удовольствием прогуливала бы уроки ради расчленения. Расчленять *весело*.

Нита надела белый лабораторный халат. Ей всегда нравилось ходить в нем – она чувствовала себя настоящим ученым в некоем престижном университете или лаборатории. Иногда, даже без надобности, она надевала очки, и они дополняли ее ученый вид.

– Когда ты снова уезжаешь? – спросила она.

Ее мама мыла руки в раковине.

– Сегодня. Пока везла сюда эту красоту, я кое на что наткнулась. Теперь лечу в Буэнос-Айрес.

– Пиштако? – спросила Нита, пытаясь сдержать волнение.

Она еще никогда не вскрывала пиштако. Как их тела приспособлены к диете, полностью основанной на человеческом жире. Только обещание расчленив пиштако убедило Ниту в том, что переезд в Перу был хорошей идеей. Мать всегда знала, чем ее соблазнить.

Нита нахмурилась.

– Подожди-ка, в Аргентине нет пиштако.

Мама рассмеялась.

– Не волнуйся. Это кое-что получше.

– Не еще один занни?

– Нет.

Мама вытерла руки и, направившись в сторону кухни, по пути крикнула:

– Я собираюсь в аэропорт. Если все пойдет хорошо, вернусь через два дня.

Нита последовала за ней и увидела, что она сидит в ботинках на кухонном столе и открывает бутылку писко¹, взятую из холодильника. Затем мать сделала большой глоток – чистого писко. Не в коктейле или разбавленного содовой, а чистого.

Однажды, оставшись дома одна, Нита попробовала этот напиток с мыслью, что он прекрасно подойдет для празднования ее семнадцатого дня рождения. Он оказался не таким обжигающим, как виски, или водка, или даже sake, но вставил быстро и сильно. Мама нашла Ниту с прижатым к стене лицом – она рыдала, потому что стена не хотела двигаться. Тогда мать рассмеялась и оставила ее страдать одну. Позже она показала Ните фотографии, на которых было видно: на той стене куча слюней и соплей. С тех пор в домашний бар Нита не заглядывала.

– Ах да, Нита, еще кое-что, – сказала мать, ставя бутылку писко на стол.

– Да?

– Не трогай голову. За нее назначена награда в миллион долларов, и я хочу потребовать ее.

Взгляд Ниты переметнулся в сторону комнаты с мертвым телом, находившейся дальше по коридору.

– Я почти уверена, что вся эта тема «разыскивается живым или мертвым» закончилась еще на Диком Западе. Если ты принесешь голову этого парня, тебя арестуют за убийство.

Мама закатила глаза.

– Что ж, спасибо тебе, Нита, за то, что преподала мне такой важный урок. Что бы я без тебя делала?

– Э-э, – поморщившись, выдавила Нита.

– Этого занни разыскивает за военные преступления перуанское правительство. Он был членом секретной полиции во время правления Фухимори.

Неудивительно. Практически все занни в мире разыскивались за какие-то военные преступления. Когда твой биологический долг состоит в том, чтобы мучить людей и пожирать их боль, перед тобой открывается очень много карьерных путей.

Нита вдруг вспомнила – в последнем выпуске журнала «Природа» появилась статья, которую она хотела прочитать. Те, кто расчленили меньше занни, чем Нита, но имели доступ к лучшему оборудованию, написали подробный анализ поглощения боли занни. Существовали разные теории об относительности боли и о том, как одна и та же травма может восприниматься двумя людьми совершенно по-разному. Ученые изучали занни и пытались ответить на

¹ Писко – разновидность виноградной водки.

вопрос: что движет их потребностью в поглощении боли – серьезность травмы или уровень восприятия боли человеком?

Им также удалось доказать, что кроме физической занни способны поглощать и эмоциональную боль, но в значительно меньших количествах. Эмоциональные и физические болевые рецепторы пересекаются в мозговом центре, потому возникает важный вопрос: почему занни могут насытиться сильной физической болью, а сильная эмоциональная боль питает их меньше? По мнению Ниты, причина заключалась в том, что физическая боль получает дополнительные сигналы от ноцицепторов, но девушке было любопытно узнать мнение других людей.

Хотя мысли Ниты были где-то далеко, мать продолжала разговор:

– Несколько заинтересованных сторон предложили очень большую награду за его голову.

Им, в отличие от правительства, все равно, сможет ли он предстать перед судом. – Она хищно улыбнулась. – И я буду рада им угодить.

Она прыгнула со стола, отставила бутылку писко и надела бордовый кожаный пиджак.

– Ты сможешь упаковать его до моего возвращения?

– Думаю, да, – кивнула Нита.

Мать подошла к дочери и поцеловала ее в макушку.

– И что бы я без тебя делала, Анита?

Не успела Нита сформулировать ответ, как мать уже открывала дверь: послышался скрип, затем удар, и в доме воцарилась тишина. Когда мама куда-то уходила, Ните иногда казалось, что она не просто забирает с собой шум, она будто забирает энергию, которой наполнен дом. Без нее он казался пустым. Из него словно ушла жизнь, и только мертвый занни остался на своем месте.

И это на самом деле так. Нита вернулась к своему новому проекту и слегка улыбнулась. Лучше бы, конечно, здесь были пиштако или чупакабра, но работать с занни ей тоже нравилось.

Первым делом она опустошила его карманы. В них лежали старомодные часы, немного бразильских реалов (но перуанских солей, как ни странно, не было) и кошелек. Нита долго смотрела на него, а затем, не открывая, положила в лоток. Мать уже наверняка вытащила из кошелька кредитные карты, сняла с них наличные, а потом выбросила. Единственное, что осталось внутри, – удостоверения личности и членские билеты. Эти вещи могли бы дать Ните информацию о существовании, тело которого она сейчас расчленил. Но она давным-давно усвоила – не нужно ничего знать о том, кого ты разрезаешь на части. Лучше думать, что это вовсе не личность. Да ведь так и есть, это же занни.

Нита взяла резинку и стянула волосы в пышный хвост. Ее волосы росли вьющимися завитками и будто вширь, а не в длину. В свете люминесцентных ламп их обычно каштановый цвет приобретал оранжевый оттенок. Другим волосы оранжевыми не казались, но Нита настаивала – ей нравился этот цвет.

Надев хирургическую маску, которая легла прямо под веснушчатые скулы, она надела очки, натянула перчатки и подкатила тележку с инструментами к столу, где лежало тело. Затем вставила наушники и включила плейлист, состоящий из песен из фильмов Диснея.

Пора начинать.

* * *

Нита уже не помнила времени, когда ее не увлекали мертвецы – в ее доме их всегда было полным-полно. Она помнила только, что ее родители приобретали тела сверхъестественных существ и продавали их по частям в интернете. В Даркнете, если быть точным. Но продавцы органов на черном рынке не размещали свои товары на сайте eBay. Это могло закон-

читься коротким визитом сотрудников Международной полиции по делам сверхъестественных существ – МПДСС – с последующим длительным тюремным сроком.

Когда Нита была младше, она бегала по дому и приносила родителям пустые емкости: стеклянные флаконы – большие, для сердец, и маленькие – и пакетики для крови. Потом она наклеивала на них этикетки и выставляла на полку. Иногда девочка долго разглядывала органы существ, которых никогда не встречала. В неподвижных сердцах, плавающих в формальдегиде, было что-то успокаивающее, умиротворяющее. Больше никакого шума. Только тишина.

Иногда Нита смотрела на глаза, а они на нее – прямым, открытым взглядом, совсем не таким, как у живых людей, которые то и дело прятали глаза, когда лгали, и могли заменить целый разговор одним лишь взглядом. Проблема в том, что Нита никогда не могла понять живых. Лучше, когда люди мертвы. Их глаза не такие выразительные.

Работа над занни заняла у Ниты всю ночь и большую часть следующего дня. Она раскладывала органы по банкам с формальдегидом или в морозильные камеры, а затем до блеска вылизывала секционный зал.

Солнце уже встало, но усталости не ощущалось, поэтому Нита отправилась в свой любимый парк на скалах с видом на океан. Над скамейками, наподобие навеса, возвышались тропические кусты с большими колоколообразными цветами, а стену, которая защищала людей от падения с обрыва в сверкающие воды океана, украшала сине-белая мозаика. На скамейках лежали газеты: от бульварных изданий, анонсирующих, что *«Пенелопа Альварес в возрасте сорока пяти лет выглядит на двадцать. Хороший уход за кожей или что-то более “сверхъестественное”?»*, до официальных источников с заголовками типа: *«Должно ли Перу вступить в зону МПДСС? Преимущества и недостатки экстерриториальной полиции, занимающейся сверхъестественными существами»*.

Перу было одним из немногих южноамериканских государств, в которых не действовала МПДСС. На каждом континенте всегда оставалось несколько таких стран, поэтому торговцам на черном рынке было куда сбежать, когда полиция в конце концов их прищучивала. Кое-кто щедро платил политикам, чтобы такое положение вещей не менялось.

Нита уселась на скамейку подальше от других людей и, наслаждаясь тенью древесного дурмана, открыла свои медицинские журналы про сверхъестественных существ.

Иногда чтение этих изданий приносило разочарование, ведь Нита знала, что авторы ошибаются в некоторых вещах. Многие сверхъестественные существа были на виду, и их признавало мировое сообщество, но большинство по-прежнему скрывалось, опасаясь отрицательной реакции общественности. Поэтому, когда в журналах говорилось о том, что занни – единственный вид сверхъестественных существ, которые потребляют нечто нематериальное, например боль, Нита жалела, что не может рассказать миру правду: есть еще и такие создания, которые питаются воспоминаниями, сильными эмоциями и даже мечтами. Вот только МПДСС пока не признает их официально. Это ведомство уделяло много внимания антикризисным мерам и отчасти пыталось уменьшить проявления расизма и дискриминации против сверхъестественных существ, просто не рассказывая людям, сколько видов таких созданий есть в мире. И эти действия удерживали людей, подобных матери Ниты, от поиска информации об этих существах. Иногда.

Поглощая медицинские исследования, словно конфеты, Нита сидела в парке в тени дерева, пока не стемнело.

Когда она вернулась домой, ее встретил поток ругательств.

Нита кралась по коридору, чувствуя, как напряглись ее плечи. В гневе мать могла быть непредсказуемой. Нита уже не раз испытывала его на себе и не хотела, чтобы это повторилось. Но игнорировать маму было еще опаснее, поэтому она вошла в кухню, и от увиденного беспорядка ее рот открылся сам собой:

– Что ты делаешь?

Мать заправила за ухо прядь волос и криво улыбнулась. Пол вокруг нее был уставлен пустыми грузовыми ящиками, между которыми валялись упаковочные материалы: пузырчатая пленка и полоски пенопласта. На кухонном столе лежал пистолет, и у Ниты проскользнула мысль: «Что он здесь делает?»

– Я хочу, чтобы части занни отправили завтра. У нас появилось кое-что новое, и, честно говоря, эта квартира маловата, чтобы вместить все части. – Мать снова улыбнулась.

Нита не могла не согласиться. Ее «операционная» была уже переполнена, а ведь они препарировали всего одного занни. Для второго тела действительно не было места.

– Что-то новое, да? Я так понимаю, все прошло хорошо?

Мать рассмеялась:

– Разве с теми сверхъестественными существами, которых нет в Списке, когда-нибудь все проходило хорошо?

Из сверхъестественных существ, известных широкой общественности, отдельным списком были выделены «опасные сверхъестественные», которые жили, убивая людей. В странах – членах МПДСС истребление таких созданий считалось не преступлением, а «превентивной самообороной». Но убийство других – безвредных (как показывает опыт Ниты, большинство из существ были безвредны), которые не входили в Список, очень даже считалось преступлением.

Мать Ниты, как правило, привозила существ из Списка. *Как правило.* Но, вероятно, мама убила много незлых и неопасных созданий и продала их. Нита старалась не думать об этом, ведь как она могла повлиять на ситуацию? К тому же существа всегда попадали в ее руки уже мертвыми. А раз так, было бы стыдно оставлять их тела нерасчлененными.

Кстати...

– Что ты привезла? – спросила Нита, пробираясь через ящики к холодильнику. Добравшись до него, она вытащила остатки вчерашнего ужина и закинула их в микроволновку.

– Кое-что особенное. Я оставила его в секционном зале.

Нита почувствовала, как подрагивают ее пальцы; воображаемый скальпель в руке сделал скользящий разрез в форме буквы Y по воздуху. Девушка не могла дожидаться медленного, расслабляющего вечера, когда она останется наедине с телом. Перед глазами уже стояли прямые линии разрезов и банки с органами, которые будут наблюдать за ней, словно необычные ангелы-хранители.

Нита вздрогнула от предвкушения. Иногда она пугала саму себя.

Мать покосилась на дочь.

– Должна сказать, его было трудно достать.

Нита вытащила ужин из микроволновки и села за кухонный стол.

– О, серьезно?

Мать улыбнулась, и Нита настроилась на интересную историю.

– Ну, поначалу все было не так уж сложно. Буэнос-Айрес – прекрасный город, и найти моего информатора оказалось легко, как и приобрести нашего нового... Даже не знаю, как его назвать.

Нита вскинула брови. Мать знала всех сверхъестественных существ. Это ее работа. Должно быть, существо очень редкое.

– Ну, короче. – Мать села рядом с ней. – Все прошло не так уж плохо. Особых сложностей с охраной не возникло, это было легко. Проблема заключалась в том, чтобы доставить его сюда.

Нита кивнула. Обычно авиаперевозчики косо смотрели на мертвые тела на багажных полках.

Мать заговорщически подмигнула.

– Но потом я подумала, почему бы мне просто не притвориться, что он пассажир? И я посадила его в инвалидное кресло – экипаж ни о чем не догадался.

– Подожди-ка, в инвалидное кресло? – Нита нахмурилась. – Но разве они не заметили, что он... не знаю, не двигается, или не дышит, или еще что? Когда помогали ему сесть на свое место?

Она засмеялась.

– О, он не мертв. Я только накачала его лекарствами.

Нита пошевелила пальцами.

Не мертв.

Она выдавила слабую улыбку.

– Ты сказала, что оставила его в моей «операционной»?

– Да, целое утро на установку клетки потратила, черт возьми. Ты знаешь, что клетки на человеческий рост больше не делают? А еще мне пришлось купить наручники в секс-шопе.

Нита долго сидела, не шевелясь, с застывшей на губах улыбкой, затем встала, пробралась через ящики и направилась в секционный зал. Мать последовала за ней.

– Он малость другой. И весьма ценен, поэтому я очень хотела бы выдоить из него немного крови до того, как мы вырежем органы.

Но Нита ее не слушала. Она открыла дверь, чтобы увидеть все своими глазами.

Часть ее прекрасной, стерильной комнаты с белыми стенами теперь занимала большая клетка, прикрепленная болтами к стене. Мать обмотала дверь клетки цепью и навесила замок. Внутри в позе эмбриона лежал парень с темно-каштановыми волосами. Он был без сознания. Учитывая размер клетки, лежать в ней, вероятно, можно было только так.

– Кто он? – спросила Нита.

Она ждала, что мать начнет перечислять те ужасные вещи, которые он делал, чтобы выжить. Возможно, ел новорожденных детей, и вместо восемнадцати или девятнадцати (по виду) ему на самом деле пятьсот лет.

Мать пожала плечами.

– Я не знаю, есть ли такое слово, которым можно его назвать.

– Но каким сверхъестественным существом он является? Объясни. – Нита услышала, как голос стал выше, и заставила себя успокоиться. – Я имею в виду, ты же знаешь, что он делает, да?

Мать рассмеялась.

– Он ничего не делает. Я вполне уверена, что он – сверхъестественный, но не думаю, что ты найдешь какие-либо внешние признаки этого. В Буэнос-Айресе он принадлежал коллекционеру.

– Тогда... зачем он нам? – напирала Нита, удивляясь тому, насколько она нуждается в ответе на этот вопрос.

Ей нужна была причина, которая оправдывала бы тот факт, что сейчас в ее комнате находится клетка с незнакомым парнем, который свернулся клубком. Его джинсы и футболка были забрызганы какой-то жидкостью, и Нита подумала: «Может, это кровь?»

– Ах, знаешь, он, похоже, очень ценный. В нем что-то есть. Этот коллекционер продавал флаконы с его кровью – заметь, флаконы, а не пакеты – почти по десять тысяч за каждый. Долларов США, не солей или песо. *Долларов.* В прошлом году палец его ноги выставили на онлайн-аукционе, и цена выражалась в шестизначных цифрах. За один палец.

Мать Ниты широко улыбнулась, ее глаза загорелись в предвкушении суммы, которую можно выручить за все тело. Девушка задумалась над тем, сколько у парня осталось времени. Ее мать предпочитала быстро получить наличные, поэтому Нита сомневалась, что парень задержится в клетке надолго.

– Я уже выставила его в сети, и у нас есть покупатель на еще один палец ноги. Поэтому я взяла на себя смелость отрезать его и отправить по почте, пока мы были в Аргентине.

Ните потребовалось несколько секунд, чтобы осознать слова матери. Затем она опустила глаза, и, разумеется, ноги парня были голыми. Одну ступню поспешно обмотали бинтом – он пропитался кровью.

Мать постучала пальцем по подбородку.

– Единственная проблема в том, что части его тела должны быть свежими – то есть как можно более свежими. Поэтому сначала мы продадим все конечности – они уже заказаны. Он может выжить и без них, а мы тем временем соберем его кровь. Внутренние органы и все остальное продадим позже, как только распространим информацию о них. Это не должно занять слишком много времени.

Мысли Ниты крутились и мешали полностью осознать то, что говорила мать.

– Ты хочешь держать его здесь и разрезать по частям, пока он еще жив?

– Именно так.

Нита даже не знала, что ответить, она не имела дела с живыми людьми. Ее «подопечные» всегда были мертвецами.

– Он... не опасен? – спросила Нита, не в силах оторвать глаз от повязок на месте отсутствовавших пальцев.

Мать фыркнула.

– Вряд ли. Ему не повезло в генетической лотерее. Насколько я знаю, все хотят его сожрать, и у него не больше средств защиты, чем у обычного человека.

Парень в клетке пришел в себя, зашевелился и попытался перевернуться, чтобы посмотреть на них. Сердце Ниты сжалось – это выглядело печально.

Мать хлопала ее по плечу и развернулась.

– Мы заработаем на нем хорошие деньги.

Не сводя глаз с клетки, Нита кивнула. Мать вышла из комнаты, напомнив дочери, что нужно помочь разобраться с ящиками на кухне и начинать упаковывать части тела занн.

Парень поднял голову и встретился взглядом с Нитой. Его серо-голубые глаза широко распахнулись от страха. Он попытался поднять руку, но та, прикованная наручниками, остановилась в нескольких сантиметрах от пола.

Пристально глядя Ните в глаза, парень тяжело сглотнул и прошептал:

– Ayudame.

Помоги мне.

Глава 2

Нита не была бессердечной убийцей и не воровала органы. Такой была ее мать.

Нита никогда никого не убивала и не планировала делать это в дальнейшем.

Почему же мама не убила его до возвращения домой? Если бы она сделала это, Ните не пришлось бы видеть его таким. Она могла бы просто наврать самой себе, что он умер естественным образом. Или обвинить в убийстве свою мать и оправдаться очередным «ну, уже ничего не изменишь». Но сейчас в их квартире находилось живое существо, и Ните пришлось серьезно задуматься.

О живом и дышащем человеке, которого мать планировала убить.

И заставила Ниту его расчленять.

Живого.

Каково это – резать кого-то на части, когда он кричит тебе, чтобы ты остановился?

– Нита? – раздался голос матери у двери кухни.

Нита внезапно поняла, что уже несколько минут стоит в коридоре и пялится на стену.

– Что-то не так?

Дочь немного помедлила.

– Он живой.

– Да, и что? – Взгляд мамы был таким же напряженным, как и ее голос. Нита внезапно почувствовала, что ходит по лезвию ножа.

– Он разговаривает. – Она передернула плечами – взгляд матери сейчас беспокоил ее больше, чем что-либо другое.

Выражение лица мамы смягчилось.

– О, не волнуйся, милая. Он здесь долго не задержится. Скоро он будет на твоём столе, а там с тобой никто не разговаривает, так ведь?

Чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, Нита кивнула, оценив мамины старания успокоить ее.

– Да.

Мать внимательно посмотрела на дочь.

– Знаешь, если хочешь, я могу прямо сейчас отрезать ему язык. Или оторвать плоскогубцами – у меня есть парочка. Тогда тебя не будет волновать его болтовня.

– Все в порядке, мама. – Нита выдавила улыбку. – Я в норме.

– Если ты уверена... – Мать снова посмотрела на нее внимательным взглядом и вздохнула. – Хорошо. Начнем потихоньку упаковывать части того занни?

Нита кивнула. Она была довольна, что тема разговора сменилась.

Они провели остаток дня, заполняя ящики. Мать раздала кучу взяток, чтобы вернуть эти ящики на семейный склад в Штатах, оттуда их заберет отец Ниты. Он занимался онлайн-продажами, хранением и доставкой частей тел, а задачей матери был поиск. Отец также являлся их прикрытием на случай, если МПДСС начнет что-то вынюхивать. Нита была уверена: на мать заведено дело толщиной в милю – ведь стопка ее заграничных паспортов, водительских удостоверений и кредитных карт имела в высоту, наверное, фута два. По мнению Ниты, все эти документы обычно дополняли дело.

Однако отец, насколько она знала, был чист как стеклышко. Днем он работал юридическим консультантом в Чикаго, а ночью продавал части тел в Интернете. Нита скучала по нему, по их дому и по загаженному пригороду, который находился фактически в двух часах езды от города. Она не была дома с четырнадцати лет.

Девушка задавалась вопросом: что скажет об этой ситуации отец? Будет ли он недоволен тем, что мама привезла домой живое сверхъестественное существо? И более того – безвредное?

Одно дело, когда мать бросала на стол Ниты занни или единорога – они были монстрами, которые убивали других людей, чтобы поддерживать свою жизнь. И мир одобрял убийство этих существ – именно поэтому был составлен Список опасных сверхъестественных. Их убийство даже не считалось преступлением. Нита спасала человеческие жизни.

Но расчленять кого-то вроде парня в соседней комнате? Как она могла оправдать такое?

Вздыхнув, Нита вытерла пот со лба – они закрыли очередной ящик. Сколько бы она об этом ни думала, она не могла найти способ оправдать убийство этого парня.

Ну, разве что деньгами.

– Похоже, нам понадобится еще несколько грузовых ящиков, – сказала мать, проводя рукой по волосам. Ее маникюр отблескивал черным, красным и желтым цветами – как будто кто-то пытался накрыть огонь темной шторой.

Нита налила себе стакан сока.

– Наверное.

– Думаю, мы заслужили немного пиццы. Как считаешь?

Нита охотно согласилась.

После ужина они поняли, что у них закончилась вода в бутылках. Здешняя вода из-под крана непригодна для питья, если ее не кипятить, и матери Ниты не нравился ее вкус. Она обещала купить УФ-фильтр для очистки еще несколько недель назад, когда они приехали в Перу, но пока так и не купила.

Мать вздохнула и встала – с колен на пол посыпались крошки пиццы.

– Спустишь в магазин и принесу семилитровую бутылку. Когда вернусь, займусь парнем.

– В смысле?

Мама усмехнулась.

– Я продала его ухо час назад.

Нита напряглась.

– Ты хочешь отрезать его ухо сегодня?

– Конечно.

Нита сглотнула и отвела взгляд.

– Но ты не сможешь отправить его по почте до завтрашнего утра. Разумнее отрезать его завтра. Если, по твоим словам, важна свежесть.

Мама прищурилась. Нита старалась не заерзать на месте, но ей не удалось.

– Я не хочу слышать, как он кричит всю ночь. Я не смогу уснуть, – прошептала она после долгой паузы.

Откинув голову назад, мать рассмеялась, после чего подошла к Ните и похлопала по спине. Сделала она это немного сильнее, чем следовало, и Нита покачнулась.

– Ты совершенно права, Анита, – улыбнулась мать и направилась к двери. – Мы сделаем это завтра утром.

Нита стояла и дрожала. Дверь тем временем со стуком и щелчком закрылась. На несколько минут Нита задержалась на месте, восстанавливая дыхание, а затем взяла кусочек пиццы и вернулась в секционный зал.

Открыв дверь, она увидела, что парень в клетке сидит скрестив ноги и наблюдает за ней. Нита двигалась осторожно и, подойдя поближе, различила: пятна на его одежде – определенно засохшая кровь.

Положив пиццу достаточно близко к решетке, чтобы парень мог просунуть через нее пальцы и отщипывать кусочки, девушка тут же отпрянула назад, боясь, что с такого расстояния он может на нее наброситься. Вряд ли ему, прикованному цепью к клетке, которая прикреплена к стене, удастся что-нибудь сделать, но Нита все равно была осторожна.

Он посмотрел на пиццу и облизнул губы.

– Gracias².

– De nada³, – ответила Нита, удивляясь, что хрипит.

Чувствуя себя неловко и не зная, что делать дальше, она долго стояла на месте. Лучше, конечно, разговаривать с ним, но Нита не хотела ничего знать об этом парне, если – точнее когда – ей придется его расчленивать. Хотя она все равно чувствовала себя странно, давая ему еду и отходя в сторону...

Сейчас был тот самый случай, когда, казалось, нужно применить свои навыки общения. Но существовал ли этикет для такого рода ситуаций? Наверное, нет.

Парень просунул пальцы через решетку и отщипнул кусочек пиццы. Он не дотягивался руками до рта из-за наручников, поэтому, чтобы поесть, ему приходилось наклонять голову. Медленно прожевав кусочек, он внезапно застыл и просто смотрел на пиццу, не прикасаясь к ней.

«Может, ему не нравится пепперони?» – подумала Нита.

– ¿Como te llamas?⁴ – спросил он, все так же не поднимая глаз. Его акцент явно был аргентинским – звук «й» смешался со звуком «ш», поэтому последнее слово прозвучало как «шамас».

Но этот акцент можно было понять, в отличие от акцента Ниты. Ее отец родом из Чили, а она до шести лет жила в Мадриде, поэтому ее испанский превратился в бессмысленное сплетение двух акцентов. Иногда перуанцы в продуктовом магазине не могли догадаться, о чем она говорит.

– Нита. – Она замялась. – А тебя?

– Фабрисио, – тихо ответил он. – Фабрисио Такунан.

– Фабрисио? – недоверчиво переспросила Нита. – Это что, откуда-то из Шекспира?

Он вдруг поднял глаза на нее и нахмурился.

– Что, прости?

Нита медленно повторила, пытаясь говорить так, чтобы акцент был менее выраженным.

На этот раз парень понял. Он поднял брови, а когда снова заговорил, его голос слегка изменился – в нем стало больше любопытства и меньше грусти, испанская речь звучала мягко и едва слышно:

– Кто такой Шекспир?

– Э-э-э... – Нита сделала паузу. Изучают ли Шекспира в латиноамериканских школах? Хотя, если вспомнить, что парень (*даже в мыслях не называй его по имени, а то слишком сильно привяжешься, и что потом?*) был пленником коллекционера, ходил ли он вообще в школу? – Английский писатель, живший в шестнадцатом веке. Мне кажется, одного из его персонажей звали Фабрисио. Думаю, это вроде... вроде как старое имя.

Он пожал плечами:

– Не знаю. Думаю, оно довольно распространено там, откуда я родом. У одного из сотрудников моего отца такое же имя. Но он произносит его через «ц», на итальянский манер – Фабрицио.

Фабрисио опустил взгляд на свою рубашку, покрытую засохшей кровью, и тяжело сглотнул.

– Он произносил его через «ц».

Ого. Нет, слишком много информации. Ните не нужно ее слышать.

«Тогда зачем ты вообще с ним заговорила?» – мысленно отругала она себя. После этого все будет еще хуже.

² Спасибо (*исп.*).

³ Не за что (*исп.*).

⁴ Как тебя зовут? (*исп.*).

Она повернулась, чтобы уйти, но он позвал ее:

– Нита.

Нита остановилась и, секунду помедлив, обернулась.

– Да?

– Что со мной будет?

Она смотрела, как парень в наручниках с трудом наклоняется вперед в клетке. Его лицо напряглось, в широко раскрытых голубых глазах виднелся страх, на лбу пролегла складка.

Нита отвернулась.

– Я не знаю.

Но это была ложь. Она просто не хотела ему признаваться.

Глава 3

Вернувшись на кухню, Нита обнаружила, что мать уже ждет ее. Воды она не принесла.

Войдя в комнату, Нита почувствовала себя неуютно и остановилась. Взгляд матери был холодным, ее рука лежала рядом с пистолетом. Положила она ее туда случайно, не нарочно. Не то чтобы мама когда-либо стреляла из пистолета, она предпочитала яд.

– Ты ведь с ним не разговаривала, Нита?

Глядя в пол, дочь покачала головой, сгорбила плечи. Ей хотелось провалиться сквозь землю. Когда мама злилась, в воздухе повисала незримая угроза. Нита никогда бы не призналась в этом своим родителям, но в душе она боялась матери до дрожи и всего раз в жизни осмелилась выступить против нее.

Когда Ните исполнилось двенадцать, а ее семья жила и работала в пригороде Чикаго, мать пыталась заняться меховым бизнесом и разводить дактов. Дакты, маленькие пушистые клубки очарования, которых держали в качестве домашних животных, были абсолютно безобидны. Мама приходила домой с клетками, полными этих существ, никогда не говоря, где она их взяла. И каждую ночь, после того как родители ложились спать, Нита проникала в подвал, относила клетки в круглосуточную ветеринарную клинику и просила врачей передать дактов в общество защиты животных или приют. Несколько раз сканирование этих существ на микрочипы показало, что их украли на чьем-то заднем дворе.

Маму ее поступки не впечатлили. Однажды она вернулась домой с клеткой мертвых дактов вместо живых. Нита ответила тем, что смыла в унитаз пять фунтов чистого порошка из костей единорога (эта дрянь продавалась лучше, чем кокаин, и вызывала гораздо большую зависимость), а затем отнесла мертвых дактов в ветеринарную клинику.

Мать не оценила и то, что Нита открыла для себя нравственность. Даже после того, как отец всех успокоил и закрыл бизнес по продаже меха дактов, мама все еще не была удовлетворена. Она отравила еду в зоомагазине, и все дакты в пригороде умерли. Зная неспособность Ниты игнорировать вещи, которые находятся у нее перед носом, мама целую неделю подкладывала трупы в постель дочери.

Это закончилось только после того, как Нита, рыдая, выбежала на крыльцо, умоляя маму остановиться. Отец ее поддержал и сказал жене, что разбитое состояние дочери плохо влияет на их доход – к тому времени Нита уже расчленила много существ, а из-за всей этой истории с дактами не работала уже неделю. Только деньги убедили мать остановиться, но она дала себе невысказанное обещание: если Нита еще хоть раз ее послушается, наказание будет намного хуже.

Нита слотнула и попыталась отогнать воспоминания.

– Зачем мне с ним разговаривать? Да и о чем?

– Конечно, ты с ним не разговаривала, ты же социально неумелая, – сказала мать, делая шаг вперед. Нита чуть не вздрогнула, но все же взяла себя в руки. С трудом. – Ведь если бы ты попыталась поговорить с парнем, у тебя могло бы появиться сочувствие. Мне это не нужно. И могу заверить тебя, – она оскалилась, – тебе тоже.

Стараясь выглядеть беззаботной, Нита пожалала плечами, но внутри у нее все кричало: «Беги! Беги далеко, быстро и не оглядывайся!»

– Я принесла ему еду, он сказал: «Спасибо». Я ответила: «Не за что», а потом ушла.

Мать наградила Ниту долгим, испытующим взглядом, а затем снисходительно улыбнулась.

– Это хорошо. Всегда уместно быть вежливым.

Девушка попыталась выдавить улыбку, но ничего не получилось.

– Я устала. Да и спать уже хочется. Ты не против?

Мать махнула рукой.

– После того как принесешь воды. Я все-таки решила, что не хочу идти сама.

Значит, мать не поверила ей. Она стояла у двери, подслушивала и знала, что Нита ей лжет.

Отлично.

– Хорошо.

Лучше повиноваться матери.

Выходя из дома, Нита захватила свитер и сумку и, закрыв за собой дверь, убедилась, что та заперта. Затем сделала глубокий вдох, прислонилась лбом к филенке и закрыла глаза. Ей казалось, она ходит по канату. Один неправильный шаг – и может упасть. Проблема в том, что Нита не знала, куда именно упадет, но в любом случае ничего хорошего ее не ждет.

Неужели мать убьет Фабрисио, пока Ниты нет и она не может ей помешать?

Нет. Конечно, нет. Но она может начать отрезать его конечности.

Нита сглотнула, сжала кулаки. Разве это так ужасно? Здесь нет ее вины – ее там не будет, и она ничего не может поделать. Нужно просто выкинуть из головы эти мысли.

Но ведь Ните так или иначе придется вскрывать его, когда все закончится, вырезать его испуганные голубые глаза и положить их в банку.

Она выдохнула воздух, который задерживала в груди.

Начинать отрезать части тела Фабрисио сейчас было бы бесполезно.

Она прошла по коридору и, спустившись по лестнице, отправилась к магазину.

На улице было темно и стоял туман, но уличные фонари хорошо все освещали. Нита жила в хорошей части Лимы, прямо в центре района Мирафлорес, и не слишком беспокоилась о безопасности в ночное время.

Кожу приятно грело вечернее тепло, а легкий ветерок доносил до носа запах каких-то пряностей из ближайшего ресторана. Нита пробыла в Лиме всего месяц, но город ей очень нравился. Это было одно из лучших мест, где они открывали свой магазин.

Нита с матерью часто переезжали. Они останавливались в центре континента, и мать колесила по всем соседним странам, охотясь за сверхъестественными существами, которых можно убить и продать. Много лет они жили так и в США, прежде чем переехать во Вьетнам, затем в Германию и вот сейчас в Перу.

Нита прошла мимо открытой двери ресторана и увидела пару американских туристов, которые набросились на официанта. Женщина что-то ворчала по-английски, а официант просто смотрел на нее, с улыбкой качал головой и пытался сказать ей на ломаном английском и испанском, что не понимает.

– Тогда найдите мне того, кто понимает! – рявкнула женщина и повернулась к мужу. – Можно подумать, сюда не нанимают людей, говорящих по-английски.

Нита закатила глаза и пошла дальше. Откуда у американцев взялась эта навязчивая идея, что все должны изучать их язык, чтобы им угодить? Они ведь в Перу! Почему же они не выучили испанский?

Она повсюду замечала подобные странности. Туристов, ворующих осколки керамики и монеты из немецких замков, потому что можно. Богачей, которые прилетали в Хошимин с мыслью, что могут купить на ночь любого, кого захотят, и делать с ним все что угодно, плевать на законы этой страны.

Нита прошла мимо ресторана и направилась дальше по улице.

Остановившись прямо под мемориальной доской, посвященной борьбе против испанцев, она задумалась об испанских конкистадорах, которые пятьсот лет назад пронесли по Южной Америке в поисках золота, заливая кровью весь континент.

В груди у Ниты шевельнулось неприятное чувство. На мемориальной доске говорилось о Писарро⁵ – конкистадоре, который провел кровавую полосу через Перу. Он взял Инку – правителя инков – в заложники, а затем, в качестве выкупа, потребовал за него полную комнату золота. Золото люди отдали, но Писарро все равно убил вождя.

Он был еще не самым худшим конкистадором. Христофор Колумб вообще отрезал руки коренным жителям, которые не добывали требуемое им количество золота каждый месяц. Прямо как ее мать отрезала пальцы Фабрисио. Нет. Не нужно об этом думать.

Сейчас Нита решила проигнорировать внутренний голос, который говорил ей, что она не вправе называть туристов привилегированными придурками, ведь ее мать наделяла себя правом отнимать жизнь у существ и продавать их органы и конечности ради прибыли.

Вместо гигантского супермаркета Нита отправилась в местный магазинчик на углу. Ей не нравились толпы в больших магазинах люди – всегда начинали с ней разговаривать. Она слышала их дыхание, а иногда ощущала прикосновение их тел, и от этого ей становилось неловко.

Угловой магазинчик был небольшим, но подчас Ните все равно приходилось разговаривать с кассиром. Хотя это гораздо лучше, чем чувствовать на себе давление толпы. К тому же здесь никогда не образовывалось очередей.

Сейчас, расплачиваясь за покупки, Нита устала в телевизор, который стоял на стуле в углу помещения. На нем лежали рулоны туалетной бумаги и пачки гигиенических салфеток. Это был старый громоздкий телевизор, и по нему сейчас показывали новости.

– Продолжаются дебаты по поводу добавления единорогов в Список опасных сверхъестественных существ, – говорил диктор. – МПДСС начинает третий день обсуждения этого предложения.

Нита улыбнулась – в голове всплыло одно из немногих воспоминаний, когда она действительно чувствовала, что мать о ней заботится.

Однажды в магазине незнакомый блондин с плетеными узорами-татуировками протянул руку, чтобы взъерошить ей волосы, а мама чуть не застрелила его прямо на месте. Ниту отбросило в сторону, прежде чем ему удалось дотянуться до ее волос, и, хотя мать никогда не говорила об этом, Нита знала: тот питающийся душами единорог теперь мертв. Он больше никогда не притронется к девственницам. Позже она увидела пакеты с порошком из его костей.

Шумно выдохнув, Нита покачала головой. Возможно, мать многое себе позволяла, но любила свою дочь. Пугающая любовь, но все же любовь. Иногда Нита легко об этом забывала, учитывая подозрительный характер мамы и ее одержимость деньгами.

На экране телевизора репортер брал интервью на тему генетики сверхъестественных существ у какого-то ученого.

– Единороги – это еще один вид сверхъестественных существ, для которых рецессивные гены играют важную роль. Это значит, они способны размножаться с людьми, а набор их генов при этом может пребывать в бездействии несколько поколений, пока обстоятельства не сложатся так, чтобы они проявились. В таком случае двое совершенно нормальных родителей производят на свет монстра. Такая наследственность присуща не только единорогам, – говорил ученый, – но и другим существам: занни, каппа, упырям, даже в какой-то степени вампирам.

Нита подумала о занни, чьи органы сейчас лежали в их с мамой квартире. Интересно, сколько людей он замучил, чтобы утолить жажду боли. Ей нравилось об этом думать, она не чувствовала вины за то, что расчленила такого монстра, и даже восхищалась своей матерью, которая его убила.

– Не могли бы вы описать предложение, которое представили на рассмотрение МПДСС, доктор Роден?

⁵ Франсиско Писарро (ок. 1471 или 1476–1541) – испанский конкистадор, завоеватель империи инков, основатель города Лимы.

– Генетические манипуляции. Тщательно подобранный набор генов уникален для каждого вида, поэтому, когда он отображается полностью, существ, обладающих им, легко отследить и уничтожить. Если мы будем отслеживать такой набор до рождения этих созданий, мы сможем искоренить всех опасных сверхъестественных, которые рождаются от человека.

Улыбающийся кассир передал Ните воду, и она, чуть не вырвав бутылку у него из руки, вихрем вылетела из магазина, не в силах больше выслушивать эту ахинею.

Она ненавидела людей.

Хотя Нита и была согласна, что озвученный ученым способ уменьшения количества чудовищ может быть эффективным и даже гуманным, но она понимала: люди слишком далеко зашли. Люди всегда заходили слишком далеко. Как скоро они начнут изолировать гены безвредных сверхъестественных существ и так же их уничтожать? Аулов, вокруг которых проявляется простое биолюминесцентное свечение? Или русалок? Или таких, как Фабрисио?

Или даже Ниту и ее мать?

Глава 4

На следующее утро Нита проснулась от чужого крика.

Сдернув с себя одеяло, она потянулась за скальпелем, который лежал на тумбочке, запуталась в простынях и, соскользнув с кровати, с глухим стуком упала на колени.

Крик становился громче, переходя в затяжной, ужасный вопль.

Часто дыша, Нита освободилась от простыней, поднялась на ноги и, держа скальпель перед собой, осторожно пошла на звук. Крики прерывались скрежетом металла о металл, скрипом какого-то тяжелого предмета, который передвигают по линолеуму, и злобной руганью матери. Сердце Ниты забило быстрее.

Мать не испытывала ее, когда говорила, что отрежет Фабрисио ухо. Она действительно это делала. Прямо сейчас.

Нита открыла дверь в секционный зал и увидела кровь. Кровью были забрызганы некогда чистые белые стены и пол. Небольшие ее капли покрывали разъяренное лицо матери, а щеки Фабрисио украшали полосы красных слез. Он, насколько это было возможно, прятал голову и упирался ногами в переднюю часть клетки, раскачивая ее из стороны в сторону и уворачиваясь от матери Ниты. Замок валялся на полу, но дверь в клетку была захлопнута, и Фабрисио отчаянно цеплялся за нее оставшимися пальцами ног и тянул на себя.

Мать держала шприц, в котором, вероятно, было какое-то успокоительное. Парень выбил его из ее рук плечом. Шприц упал на дно клетки, и парень разбил его локтем. На пол пролилась жидкость.

Когда Нита вошла в комнату, оба повернулись к ней. Увидев лицо Фабрисио, она вздрогнула. Наверное, мать пыталась отрезать парню ухо, пока тот спал, но он проснулся во время этого действия. Ухо было наполовину оторвано, а мамин нож, видимо, соскользнул, оставив глубокую красную линию на щеке.

Нита непроизвольно шагнула вперед, чтобы остановить все это. Она уже хотела выразить протест, но тут же закрыла рот.

«Ты не можешь это остановить, Нита. Ты не можешь спасти его. Если ты проявишь сочувствие, твоя мать заставит тебя об этом пожалеть.

«Она не сделает мне больно», – возразила своему внутреннему голосу Нита.

Но может придумать что-то похуже. Нита вдруг вспомнила о маленьких скрюченных трупах дактов, лежащих на простынях, но тут же прогнала эту картинку.

Опустив руки, она прекратила внутренний диалог с собой и отвернулась. Кровь и жестокость были знакомы Ните не понаслышке, но сейчас ей претил этот проблеск надежды в глазах Фабрисио. Она не хотела бы видеть, как эта надежда сменится разочарованием.

– Нита. – Мать поднялась на ноги и стряхнула с пальцев капли крови. – Доброе утро.

– Доброе утро. – Нита сделала паузу. – Ты пытаешься отрезать ухо?

– Да. Он сопротивляется. – Мать поманила ее к себе. – Дай мне руку.

Нита колебалась всего долю секунды, прежде чем приблизиться.

– Чем я могу помочь?

Надежда в глазах Фабрисио погасла, сменившись ужасом и гневом. Нита старалась не смотреть на него.

Мать достала еще один шприц, по-видимому, тоже наполненный успокоительным.

– Я попробую удержать его. И хочу, чтобы ты его усыпила.

Нита дрожащими пальцами взяла шприц, все еще не позволяя себе смотреть на Фабрисио. Так ведь будет лучше, да? Так он не почувствует боли. Ните не придется слушать, как он кричит.

– Почему ты не усыпила его, прежде чем начать? – спросила она, пряча от матери дрожащую руку.

Мать небрежно пожала плечами.

– Думала, что смогу отрезать быстро.

«Нет, – подумала Нита, глядя на подрагивающую полуулыбку на лице матери. – Ты так не думала. Ты хотела, чтобы это произошло. Ты хотела разбудить меня и заставить помогать».

Мать ее проверяла. Нита не знала, какими могли бы быть последствия отказа, но понимала, что не очень хорошими.

«Тебе не следовало разговаривать с Фабрисио, а потом врать ей, что ты этого не делала».

Нита поступила глупо. Нужно было подумать, прежде чем болтать с ним.

Стиснув зубы, она опустила шприц.

– Я не понимаю: разве не легче просто дорезать ухо? Не усыпляя? – Нита показала свой скальпель. – Осталось чуть-чуть. Чтобы закончить, много времени не потребуется.

Лицо матери расплылось в широкой улыбке.

– Если ты так думаешь, я с удовольствием попробую.

– Нита, – впервые с момента ее появления заговорил Фабрисио. – Нита, *por favor*⁶.

Мама расхохоталась.

– О, он понял, как тебя зовут.

Крепко сжимая скальпель в потной ладони, Нита сосредоточилась на ухе, игнорируя плач Фабрисио и то, как шепотом он повторял ее имя, словно молитву.

«Просто покончи с этим», – думала она.

Если отказаться, произойдет что-то плохое. Она не хотела, чтобы ситуация с дактами повторилась – не было никакого желания видеть части тела Фабрисио в своей постели.

Стараясь не смотреть на его лицо и не слушать всхлипы и крики, Нита проталкивала скальпель между прутьями клетки. Ее рука дрожала, а ладонь была такой потной, что, когда Фабрисио снова начал трясти клетку, скальпель выпал из ее пальцев, оставив на ладони глубокую кровоточащую рану.

Нита отдернула руку и выругалась. По ее запястью стекала кровь.

Мать устало посмотрела на нее.

– Ну давай залечи ее, и попробуем снова.

Нита отвернулась, чтобы мать не увидела ее искаженное гневом лицо, а затем выдохнула и сосредоточилась на своем теле. Ускоряя процесс образования корочки, она усилила фактор свертывания крови в поврежденной области. Она не хотела залечивать рану, пока не обработает ее каким-то дезинфицирующим средством. Хоть она и умела активизировать естественную защиту организма от микробов, промыть рану мылом было гораздо проще.

Нита не могла сказать, сколько ей было лет, когда она обнаружила, что другие люди не умеют контролировать свои тела так, как она. Ее мать делала это все время – наращивала свои мышцы, чтобы бегать резвее и бить сильнее, и быстро заживляла раны.

Чем больше Нита познавала свое тело, тем уверенней могла его контролировать. Но это было опасно – когда избавляешься от отека, не зная основной причины его появления, могут возникнуть проблемы. Нита испытала это на своей шкуре, когда ей исполнилось семь лет. Отцу пришлось везти ее в больницу. Когда она заживляла синяк после падения с велосипеда, ее парализовало. Только после рентгена и МРТ, а также после подробного объяснения доктора Ните удалось избавиться от оцепенения.

После того случая она очень осторожно относилась к изменениям своего тела.

– Готово? – холодно спросила мать.

Нита кивнула и повернулась к ней.

⁶ Пожалуйста (*исп.*).

– Да, но не совсем. Потребуется время, чтобы заживить рану полностью. Я повредила сухожилие и, похоже, не смогу держать скальпель еще примерно день.

Мать нахмурилась, явно недовольная услышанным. Нита молчала и пыталась сохранять бесстрастное выражение лица. Матери не стоит видеть, какое облегчение принесла дочери эта рана. Она не должна понять, что Нита тянет время и может, если захочет, закончить заживление раны гораздо раньше. Теперь у Ниты есть один день, и ей не придется заниматься расчленением. Немного, но хоть что-то.

– Хорошо, – сказала мать.

Подобрав окровавленный скальпель, она быстро вымыла его в раковине и внезапно, прежде чем Нита или Фабрисио успели отреагировать, сделала разворот с почти сверхчеловеческой скоростью. Скальпель просвистел в воздухе и аккуратно отсек последний кусочек хряща, соединяющего ухо с головой. Увидев, как оно упало на пол, Фабрисио закричал и попытался зажать рану руками, но они все еще были прикованы цепью ко дну клетки. Не в силах дотянуться до нее, он плакал, а по щеке его стекала кровь.

Мать взяла скальпель и, наколов на него ухо, словно кусок стейка на вилку, с усмешкой показала его Ните.

– Знаешь, я думаю, я могла прицелиться и получше.

Нита еле сдержала рвотный позыв.

Глава 5

Еще не все части тела заннн были упакованы, но Ните претила сама мысль о том, что нужно работать под всхлипы Фабрисио, который обращает внимание на каждое ее движение.

Нита повернулась к матери:

– Пойду прогуляюсь, мне нужно подышать свежим воздухом.

– Ты же понимаешь, насколько загрязнен этот город? – спросила мать, доставая коробку для уха.

Нита отвела глаза и пожала плечами.

– Все города загрязнены. Да и вообще тут важен психологический момент: прогуляться вдоль побережья океана не так уж и плохо.

В особенности Нита не хотела видеть взгляд Фабрисио – осуждающий и умоляющий одновременно. Ей нужно время, чтобы разобраться в своих мыслях, вдали от него и от матери, которая сейчас махнула рукой.

– На обратном пути купи что-нибудь на ужин.

Нита не могла поверить, что мама согласилась. Возможно, она поняла: ее дочери нужно время, чтобы отдохнуть от мыслей о Фабрисио; время успокоиться и подумать о дальнейших действиях. А может, она просто хотела, чтобы Нита не мешала ей, когда она будет отрезать другие части тела Фабрисио.

Она не хотела об этом думать. Никогда прежде Нита не сталкивалась с такой жестокостью. Когда ей приносили мертвых существ, все шло спокойно и по плану. Во время работы ее успокаивали гладкие белые стены «операционной», не забрызганные кровью – свежей или засохшей.

На то, что произошло утром, Нита не подписывалась.

Хотя у нее никогда и не было выбора.

Но ей нравится то, что она делает, и всегда нравилось. Нита обладала аналитическим умом, и в расчленении и изучении различных сверхъестественных существ было что-то захватывающее. И чем больше она разбиралась в чужих телах, тем явственней начинала осознавать свои собственные способности.

Если Нита выяснит, как противостоять старению, сможет ли ее дар наделить ее бессмертием?

Она всегда хотела поступить в колледж, учиться у знающих людей, проводить исследования с помощью специальных аппаратов, публиковать статьи и обсуждать свои теории о сверхъестественных существах с другими учеными. Но мать не отпускала ее на учебу и говорила, что не потерпит «пустой траты времени и денег», поэтому Нита довольствовалась чтением биологических журналов и операциями по расчленению.

Произошедшее в их доме сегодня существенно отличалось от привычного процесса.

Небо было серым, солнце едва выглядывало из-за туч. Нита прошла через свой квартал и вышла на одну из главных улиц. Люди, которые ехали в автобусах, выглядывали из окошек, спрашивая у прохожих, на какой они сейчас улице. Бутики и небольшие кафе уступили место широкой автостоянке перед торгово-развлекательным комплексом «Ларкомар», стоявшим на краю утеса. Открытый комплекс сверкал чистотой и безупречностью, а за ним Нита слышала тихий шум океана.

Она перешла улицу и оказалась на широкой тропе с видом на океан, которая тянулась вдоль всего побережья и петляла между скал. Ните больше всего нравилась часть, которая пролегла между районами Мирафлорес и Барранко. Здесь ее окружали только шум и запах плескавшегося внизу океана и устойчивый ритм ее собственных шагов. Пройдя пару сотен метров, Нита уселась под кустом древесного дурмана и посмотрела на океан. На траве неподалеку от

нее лежала влюбленная парочка и шептала друг другу какие-то секреты. По тропе шла пожилая женщина, которая выгуливала крохотную коричневую собачку.

Нита закрыла глаза, наслаждаясь запахом примятой травы. В кармане внезапно завибрировал телефон.

Пришло сообщение от отца:

«Ты в порядке? Давно не слышал от тебя вестей».

Нита вздохнула и, откинувшись на траву, уставилась в небо. Ее отец был обычным человеком, но иногда она спрашивала себя, не обладает ли он каким-то экстрасенсорным восприятием, с помощью которого узнает, когда она расстроена?

«Все хорошо, пап», – лихорадочно размышляя, собиралась написать Нита. Ей очень хотелось поговорить с кем-нибудь о Фабрисо, но она знала: им нужно использовать личные телефоны с осторожностью, не писать ничего лишнего, чтобы, если МПДСС поймает кого-нибудь из них, телефоны служили бы правдоподобным прикрытием. Работу по ним обсуждать запрещено. Для этого у матери, отца и Ниты есть другие почтовые ящики в теневой сети, но на эту почту заходить с телефона тоже запрещалось, только через компьютер, который недавно откуда-то притащила мать.

Нита закусила губу и поддалась порыву. Ей нужно поговорить об этом. Было бы лучше, если бы она слышала голос отца, но ее тарифный план не предусматривал международные звонки и даже интернет. В этом смысле мама была очень экономной.

Если бы Нита не знала свою мать, она бы подумала, что та пытается оградить ее от разговоров с отцом.

«Мама говорила тебе, что она привезла домой вчера?» – наконец спросила Нита.

После долгой паузы отец ответил:

«Да, я слышал. У тебя новый питомец».

«Ага. С ним много хлопот...»

Нита сглотнула. Как ей начать объяснять все ужасные, сложные мысли, которые крутились в голове?

«И мне он не очень нравится».

Мягко говоря.

«Мы позаботимся о нем некоторое время. Не волнуйся, уже скоро у него появится новый дом. После этого тебе больше не придется им заниматься».

«Ага, – набрала Нита. – Мне почему-то кажется, он заслуживает лучшего, чем мы можем ему дать».

На этот раз пауза была еще длиннее. И тут: *«Это животное не может выжить в дикой природе. Не делай глупостей, Нита».*

Не делай глупостей.

Нита сделала глубокий вдох, пытаясь сдержать наворачнувшиеся от злости слезы. Она не знала, какие слова хотела услышать от отца. «Твоя мама зашла слишком далеко»? «Произошло недоразумение»? «Иди домой. К твоему возвращению все признаки существования Фабрисо исчезнут, и тебе больше никогда не придется об этом думать»??

Боже, она была ужасна.

Чтобы расчлнять мертвых существ и продавать их, не испытывая угрызений совести, нужно принадлежать к особому виду чудовищ. Нита знала: с моральной точки зрения она находилась не на лучшей чаше весов. По правде говоря, ее скорее можно было положить на чашу серийных убийц. Раньше такие мысли немного ее тревожили, но потом она перестала думать об этом, и неприятное чувство исчезло.

Принцип «не думай об этом» всегда помогал Ните справиться с моральными терзаниями, но на этот раз не сработал.

Чем Фабрисио отличался от Ниты? За части ее тела тоже можно выручить немало денег на черном рынке. В голове всплывали описания ее характеристик, которые мог бы придумать отец.

«Нита, ты еще здесь?» – написал он.

Она яростно вытерла слезы и ответила: *«Мне пора идти. Не волнуйся, я не буду делать глупостей. Поговорим позже».*

Она положила телефон в карман и, не дожидаясь ответа отца, перевернулась на живот.

А затем спрятала лицо в ладони и подумала: *«Черт возьми, что со мной не так?»*

Глава 6

По пути домой Нита зашла в несколько мест, а потом взяла жареную курицу для матери. Мама относилась к еде придирчиво, и это было излишне, ведь в Перу одна из лучших кухонь в мире. Всякий раз, когда Ните нужно было отвлечься, она покупала себе что-нибудь вкусненькое.

На этот раз она взяла немного каусы⁷, рокото реллено⁸ и на десерт несколько пикаронес⁹.

Десерт Нита ела по дороге домой. Пикаронес подавались на бумажной тарелке и были политы вязким сладким соусом. Первый пончик она съела, решив, что он может свалиться с тарелки, а затем, даже не осознавая этого, разобралась с остальными.

Это была лучшая еда в мире.

Когда Нита вошла в квартиру, мать нахмурилась, забрала курицу и устала в руках дочери.

– Что-то ты очень много набрала, – сказала она.

– Я взяла кое-что для... – Нита вовремя спохватилась. Она чуть не произнесла его имя. Мать бы это не оценила. – Парня.

Мать пристально посмотрела на Ниту. Темные густые ресницы никоим образом не скрывали холод в ее глазах.

Нита сглотнула и почувствовала, что начинает оправдываться.

– Ну а чем, ты думала, он питается? Собачьей едой?

Мать подняла брови.

– Похоже, кто-то недоволен.

Нита вздохнула и перевела тему:

– Я слушала, как какой-то парень в новостях болтал об убийстве сверхъестественных существ.

– А-а, – кивнула мать. – ОИС?

Эта организация по истреблению сверхъестественных существ объединяла самую большую группу ненавистников сверхъестественных существ в мире. И самую популярную. Безусловно, существовали и другие группы, но влиятельная ОИС была той силой, с которой нужно считаться.

Мать Ниты была членом ОИС, и, видимо, в организации не знали, что эта женщина сама сверхъестественное создание, поэтому она получала новые данные о монстрах, обнаруженных в месте ее нахождения. Иногда она опережала ОИС и устраняла цель первой. Иногда ждала, когда члены организации убьют какое-то существо, а затем крала тело, оставляя им обвинение в убийстве. За множество тел на своем столе Нита должна была поблагодарить ОИС.

– Нет, не ОИС. Просто какой-то придурок, который думает, что мы должны уничтожать сверхъестественных существ до их рождения с помощью генетических манипуляций.

Мать откусила от курицы.

– Интересно. Я никогда не думала об использовании генетических манипуляций для чего-то подобного.

Нахмутив брови, она постучала пальцем по столу. У Ниты возникло плохое предчувствие, что она подала матери какую-то идею, но не знала, какую именно.

– Пойду покормлю Фа... парня.

⁷ Кауса – блюдо, похожее на пастушью запеканку, но с тунцом или курицей вместо говядины, которое подается холодным.

⁸ Рокото реллено – острый перец, фаршированный мясом.

⁹ Пикаронес – пряные пончики из дрожжевого теста на основе пюре из тыквы и батата.

Мать пожала плечами и уставилась перед собой, на ее губах играла легкая улыбка. Просто здорово. Нита не хотела знать, что она планирует.

Фабрисио лежал в клетке, свернувшись калачиком, но повернулся к Ните, когда она вошла в комнату. Она положила завернутый в салфетку кусок курицы на пол, но почти сразу поняла, что он не пролезет через решетку. Нита не знала, как его накормить.

– Завтра она заберет у меня глаз, – тихо, почти шепотом сказал Фабрисио. Его голос звучало хрипло. Наверное, он сорвал горло от криков.

Нита вздрогнула.

– Ты не можешь этого знать.

– Она сама мне сказала. – Он сделал паузу. – Думаю, ей нравится видеть мой страх.

Вероятно, он прав.

– А откуда ты знаешь, что она тебя не провоцирует?

Фабрисио встретился с ней взглядом.

– Я не знаю. Но ты знаешь. Это так?

Нита посмотрела на пол. Она сжала кулаки и почувствовала, как рвется корочка раны и по руке начинают бежать струйки крови. Она еще не залечила руку полностью.

– Нет, – признала она. Фабрисио был прав. Ее мать, скорее всего, имела в виду именно то, что сказала. – Она тебя не провоцирует.

Его скулы напряглись.

– Как скоро? Как скоро продадут все части моего тела, и ты займешься органами?

Нита сглотнула и произвела небольшие подсчеты. Когда покупатели узнают, что предлагается на рынке, запросы начнут поступать быстро.

– Неделя. Максимум.

Нита кивнула самой себе. Примерно столько. Если пройдет больше времени, мать, вероятно, убьет Фабрисио просто из ярости. Как-то раз, когда Нита была еще маленькой, к ним приехал старый друг ее отца. Прошло всего четыре дня, и мать была близка к тому, чтобы его убить. Не потому что он как-то особенно ее раздражал или делал что-то не так. Они просто находились в одном и том же пространстве.

– Неделя, – повторил Фабрисио, не сводя глаз с Ниты. – А сколько частей моего тела оттяпают и продадут к тому времени?

– Не знаю.

Он молча наблюдал за ней.

Нита посмотрела на курицу на полу. Разве ей так важно, поест он или нет?

– Нита, – взмолился он.

– Прекрати.

– Пожалуйста, Нита, я не хочу умирать. Помогите мне.

Нита встала и ушла, оставив курицу на полу.

Закрыв глаза, она долго стояла за дверью. Ее плечи дрожали. Поначалу она хотела просто временно «обесточить» миндалевидную железу¹⁰, но ей было ненавистно сопутствующее при этом ощущение вялости, как при лоботомии. Поэтому она попыталась остановить поток гормонов стресса в организме, а затем повысила уровень серотонина и дофамина. Нита избавлялась от напряжения в мышцах и сосредоточилась на том, чтобы замедлить сердцебиение.

«Расслабься, Нита. Тебе не нужно нервничать. Выброси это из головы».

Ощущая блаженное спокойствие, девушка сделала длинный выдох. Страх, стресс – все это исчезло. Осталось только умиротворение.

¹⁰ Миндалевидная железа, или миндалевидное тело, или миндалина – область мозга, имеющая форму миндалины, которая находится в белом веществе височной доли полушария под скорлупой. Отвечает за формирование эмоций. – *Примеч. ред.*

Ее мышцы расслабились, узлы на плечах и шее ослабевали. Она даже не поняла, насколько сильно была напряжена.

«Завтра она заберет у меня глаз».

Мышцы снова напряглись.

Нита могла представить этот процесс в мельчайших подробностях. Мать, вероятно, все еще была недовольна ее поведением в ситуации с ухом, поэтому заставит ее вырезать глаз. Фабрисио будет усыплен, а затем привязан к столу. Мать позаботится о том, чтобы он не мог пошевелиться. Потом дождется, когда он очнется, и заставит Ниту выковыривать ему глаз.

Обычно Ните нравилось смотреть, как глаза вылезают из орбит, а потом легким движением обрезать зрительный нерв, словно пуповину. Мать об этом знала.

Нита готова была поставить восемьдесят три доллара из своих тайных сбережений на колледж, что мать *заставит* ее вырезать глаз Фабрисио.

«Черт побери. Я не могу это сделать», – подумала Нита.

А затем посмотрела на свои потные ладони и поправила себя:

«Я *не буду* этого делать».

Руки дрожали, плечи напряглись как никогда. Она снова наполнила организм успокаивающими гормонами. Сегодня ночью ей нужно оставаться в трезвом уме. Еще многое предстоит сделать.

* * *

Через пять часов, где-то в полночь, спокойствие Ниты как рукой сняло. Еще никогда в жизни она так не боялась. Мать не просто разозлится – она придет в бешенство.

Нита обшарила кухню и гостиную. Она искала ключи от замка клетки и наручников, которыми был прикован Фабрисио, но мама, вероятно, носила их на шее, как почетную медаль.

После безуспешных поисков Нита решила взять с собой пару шпилек и невзрачный болторез, найденный в ящике с инструментами, которые мать купила для установки звукоизоляции в квартире. Нита никогда не открывала замки наручников шпильками, но решила: если это не сработает, она просто вывихнет Фабрисио большие пальцы и таким образом освободит его. Главное, чтобы он не кричал.

Нита закрыла дверь в секционный зал и только потом включила свет. Фабрисио зашевелился, поднял голову от скрюченных коленей и заморгал. Глаза его были сонными. Увидев болторез, он быстро сел, отчего наручники звякнули о прутья задрезавшей клетки.

Она приложила палец к губам, заставляя его утихомириться. В широко раскрытых глазах его заблестела надежда. Он попытался выдавить улыбку, и засохшая кровь на его щеке потрескалась.

Настроив болторез, Нита сделала отверстие в клетке.

Ниту иногда беспокоило (ну, точнее, не так уж беспокоило, скорее, закрадывались мысли), что она немного социопат. Социально неадаптированная, она ненавидела людей, и единственное, что заставляло ее чувствовать себя спокойно и умиротворенно, – это расчленение мертвых тел. Может, это нормально, может, нет, но в этом была вся Нита.

Однако случались такие дни, как сегодня, когда ее сердце неистово колотилось. Лезвия болтореза сантиметр за сантиметром перекусывали решетку, и Ните казалось, что, возможно, все не так страшно, как она думала. У нее есть положительные нравственные качества. Их немного, но все же они есть. И она не позволит своей матери переступить через них.

Ей следовало убить Фабрисио, прежде чем возвращаться домой из Аргентины.

Нита выпрямилась и восхитилась своей работой. В клетке появилось большое отверстие, через которое мог пролезть человек. Фабрисио заполз в него, но его наручники зацепились

за болт, к которому они были прикованы цепью. Нита перекусила болт последним щелчком болтореза и, положив инструмент на пол, достала шпильки.

– Ты знаешь, как взламывать замки? – спросил Фабрисио.

Нита пожала плечами:

– Читала об этом в какой-то книге.

Она попыталась засунуть шпильку в замок, но ей помешала какая-то странная маленькая пластиковая штуковина на конце. Нита откусила ее болторезом, а затем вставила шпильку в замочную скважину и провернула. Тишину комнаты нарушил слабый металлический щелчок. Наручники не открылись.

– Может, болторезом можно перекусить и наручники? Или хотя бы цепь между кольцами? – спросил Фабрисио, вытягивая ноги, пока она работала. Он был явно рад возможности вытянуть их на всю длину после целых суток, проведенных в клетке.

– Не знаю. Может. – Она отложила шпильки и взяла болторез. Звенья цепочки между кольцами наручников были большими и толстыми, но вполне возможно, что инструмент с ними справится.

– Не дергайся, – сказала Нита, захватывая лезвиями болтореза одно из звеньев. Затем встала на ноги и изо всех сил надавила на ручки, пытаясь сблизить их и перекусить цепь.

Что-то сломалось – и это был болторез.

Выругавшись, Нита увидела, как половина инструмента падает на пол. Она напряженно вслушивалась в тишину. Вдруг мать что-нибудь услышала? Может, она уже идет сюда, чтобы наказать их обоих?

Нита ждала, склонив голову набок и часто дыша. Сидевший рядом Фабрисио сжал руки в кулаки и молча смотрел на ее испуганное лицо.

Наконец Нита со вздохом повернулась к нему.

– Не думаю, что у меня получится их сломать. Мне придется вывихнуть тебе большие пальцы, чтобы снять их.

Широко распахнув глаза, Фабрисио отпрянул от нее и выставил руки ладонями вперед.

– Это не обязательно. Я уйду так. Уверен, что смогу найти способ избавиться от них.

– Тебе решать.

Нита могла бы потом вставить его пальцы на место, но понимала, что не стоит ему об этом говорить. Он сейчас это не оценит.

Сильно дрожа, Фабрисио поднялся на ноги и направился к выходу. Возле двери он остановился, взглядом спрашивая у Ниты: «Куда мне идти?» – и она быстро взяла на себя инициативу. Они вместе на цыпочках прошли через кухню к выходу из квартиры. Нита открыла дверь, и они выскользнули в коридор.

Она вывела его наружу и быстрым шагом двинулась по улице. Фабрисио едва за ней поспевал.

– Куда мы идем? – спросил он.

– На автовокзал. Через час отправляется автобус до Кито, и ты поедешь на нем.

– Эквадор? – Он заколебался. – Зачем мне ехать в Эквадор?

Нита вздохнула.

– Потому что здесь мы не можем вызвать МПДСС. Перу не является страной-членом, поэтому тут МПДСС не имеет полномочий. Я не знаю, как местная полиция отреагирует на твою ситуацию, и не могу с уверенностью сказать, что моя мама не вломится на вокзал, чтобы вернуть тебя. Так вот. Я сажаю тебя на автобус до Эквадора. Если ты сможешь туда добраться, МПДСС примет тебя и включит в Программу защиты сверхъестественных существ.

– О, – Фабрисио сделал паузу. – А где мы сейчас?

– В Лиме.

– А-а. – Он смущенно улыбнулся ей. – Я думал, мы все еще где-то в Аргентине. То есть я вроде бы помню самолет, но от наркотиков в голове был такой туман, что все казалось мне ненастоящим.

Нита бросила на него быстрый взгляд, но сразу отвернулась и продолжила идти в прежнем темпе.

– Нет. Моя мать работает только в тех странах, которые в настоящее время не входят в зону МПДСС. Она промышляет везде, но основное место ее деятельности почти всегда находится в стране, где не действует МПДСС.

– Полагаю, так работает большая часть торговцев на черном рынке.

– Не обязательно. Мы работаем через интернет, но есть и реальные рынки, где продаются органы и конечности сверхъестественных существ. Они обычно находятся на границе, поэтому люди могут въезжать в страну, покупать нелегальные товары, использовать их, а затем возвращаться.

В детстве Нита была на одном из американских рынков, но почти ничего не помнила, если не считать того, что мать все время держала ее за руку и никуда не отпускала одну, даже в туалет. Да, там, возможно, продавались интересные вещи, но оно того не стоило. Судя по тому, что слышала Нита на этом рынке, ее мать была еще святой.

Нита с Фабрисио пришли на автовокзал. На платформах стояло несколько двухэтажных автобусов, готовящихся к отправлению. Перед ними толпились уставшие, скучающие люди. Большинство автобусов дальнего следования отправлялись из Лимы ночью, чтобы пассажиры могли проспать половину пути. Дорога в Эквадор тоже была неблизкой.

Нита вошла в здание вокзала и забрала в кассе билет, который заказала в интернете час назад, затем вернулась к Фабрисио и протянула ему. Когда он взял его, послышалось лязганье цепи. Нахмурившись, Нита сняла с себя свитер и набросила его на руки Фабрисио, чтобы спрятать наручники.

– Вот твой билет. И еще немного денег, – сказала она, протягивая ему несколько перуанских солей и долларов США.

Ночной воздух был прохладным, и Фабрисио дрожал. Его лицо все так же покрывала засохшая кровь.

Нита вздохнула.

– Ты не можешь ехать в автобусе в таком виде. Нужно смыть эту кровь.

Они вошли в чистую (на удивление) уборную автовокзала. Нита умыла лицо Фабрисио. Когда она приблизилась к тому месту, где раньше было ухо, Фабрисио вскрикнул, и она отдернула руку. Конечно, там еще оставалась засохшая кровь, но его волосы закрывали большую часть раны. МПДСС заставит врачей осмотреть ее примерно через восемнадцать часов. Нита не хотела отрывать корочку, чтобы рана снова не начала кровоточить, прежде чем парень сядет в автобус. У девушки не было ничего похожего на марлю. И времени покупать ее тоже не было – посадка на автобус уже началась.

Они вышли к платформам, и Нита чуть не хлопнула себя по лбу.

– Тебе нужно позвонить в МПДСС, прежде чем вы доберетесь до границы. У меня нет для тебя паспорта. Я забронировала билет до Пиуры, которая находится к югу от границы, но автобус идет до Кито. Просто не выходи из автобуса. Если ты позвонишь в МПДСС заранее, они будут ждать тебя на границе.

– Как я туда позвоню? – спросил Фабрисио. Когда он двигался, слышалось бряцанье наручников. – У меня нет телефона.

Нита задумалась. У нее только свой личный телефон. Посадка на автобус заканчивалась: времени очень мало. Фабрисио может не успеть. Она посмотрела на свой телефон и прикусила губу. К лицевой части был прилеплен стикер в форме человеческого сердца. Синие и красные

желудочки и капилляры потеряли свои цвета, поэтому казались тусклыми. По их виду было совершенно ясно, что этому маленькому стикеру уже немало лет.

Это всего лишь телефон, и ему он нужнее, чем ей.

Нита вздохнула и протянула телефон Фабрисио:

– Держи.

– Спасибо. – Он сглотнул. – Пять-пять-два, да?

– Да. – Номер МПДСС не имел отношения к номеру 911, который в каждой стране был разным. Номер же этой особой полиции был стандартным по всему миру. – Ты сейчас пропустишь автобус.

Фабрисио как-то странно посмотрел на нее.

– Ты не поедешь?

Нита удивленно моргнула.

– Нет. Конечно, нет.

– Ты же... не собираешься возвращаться туда?

Нита задумалась. По правде говоря, у нее не было другого выбора. Хотя бы потому, что, купив билет на автобус и отдав последние доллары Фабрисио, она осталась на мели. Все ее жалкие сбережения на колледж закончились. Но не это было основной причиной.

Даже если бы у нее были деньги, она бы не пошла с Фабрисио в МПДСС.

Ее родители всегда говорили, что нельзя доверять МПДСС: оно такое же коррумпированное, как и любые другие полицейские ведомства. Мать Ниты даже утверждала, что агент МПДСС давал ей наводки на сверхъестественных существ, которых опекала Программа по защите сверхъестественных. Нита не знала, правда это или нет, но не сомневалась, что МПДСС не сможет защитить ее от матери. Плюс она владела слишком большим количеством важной информации, которая могла бы мгновенно обличить ее родителей – мать вряд ли позволит ей сбежать.

Нита знала, что мама любит ее. Но точно так же ей было известно: мать убьет ее без всяких колебаний, если она станет серьезной угрозой.

– Нита.

– Да, Фабрисио?

– Разве она... – Он запнулся. Его плечи опустились, в глазах плескался страх. – Разве она не будет злиться?

– Наверное.

– А ты не боишься?

Нита закусила губу и кивнула.

– Боюсь, конечно. Но все будет хорошо.

Казалось, он не верил ей.

– Она моя мама. Не может же она злиться вечно.

В его взгляде появилась неприкрытое сострадание.

– Мне так жаль.

Нита рассердилась. Ей показалось, что он ее оскорбляет.

– Кого?

– Тебя, – покачал головой Фабрисио и, повернувшись, пошел к автобусу. На середине улицы он вдруг остановился, развернулся и прошептал: – Спасибо.

Нита не ответила. Она уже отправилась домой – дожидаться наказания.

Глава 7

Нита никогда не считала себя особенно смелой. По сути, ей было негде эту смелость проявлять. Она никогда не видела смысла делать то, чего боишься. Мозг умен и не станет посылать сигналы страха без уважительной причины.

Поэтому, хоть Ните и хотелось кричать от ужаса еще до встречи с матерью, в то же время она чувствовала гордость. Она совершила плохой поступок, потому что он был хороший. Ей казалось, будто кто-то послал ей особенно трудное испытание, и она его прошла. Она сделала то, что сделал бы хороший, добропорядочный человек. Очень нечасто Нита могла похвастаться подобным.

Она надеялась, что Фабрисо доберется до МПДСС прежде, чем ее мать догонит его.

На Ниту навалилось странное осознание. Если не считать родителей, Фабрисо стал первым человеком за почти десять лет, с которым она по-настоящему поговорила. Разумеется, она заказывала пиццу и просила сдачу в магазинах, но все это были ненастоящие разговоры.

Когда Нита пошла в школу, она разговаривала, как любой нормальный пятилетний ребенок. Но однажды ее слова – Нита не помнила, какие именно, – вынудили учителя пообщаться с ее родителями.

Отец усадил ее на диван и велел не рассказывать обо всем, что она видела дома: о глазных яблоках в стеклянных банках, о поставках белого порошка, о маленьком садике на заднем дворе, где они закапывали то, что не могли продать в интернете.

Затем рядом села мать и улыбнулась. Еще в раннем детстве Нита понимала, что будут происходить плохие вещи. После их разговора в нее вселилась уверенность: если она когда-нибудь заговорит с кем-то, кроме родителей, то окажется в стеклянных банках.

Поэтому Нита просто перестала разговаривать. Если ничего не говорить, то и не ляпнешь что-нибудь не то, так ведь?

В детстве Нита могла бы гордиться своей мудростью. Даже по сей день она, как правило, придерживалась этого принципа молчания, но, если честно, чаще всего просто не знала, что сказать людям. Она не могла придумать, о чем говорить. И поэтому молчала. Такая жизнь была проще и спокойнее.

К сожалению, ее учителя так не думали. Несколько лет спустя, когда матери окончательно надоело получать звонки со словами «Нита нелюдимая» и «Нита умная, но не участвует в общественной жизни класса», она забрала дочь из школы.

После этого в жизни Ниты остались только ее родители.

Мать уже ждала, когда Нита вернется домой. Все еще одетая в черную пижаму, с растрепанной головой и без макияжа, она смотрела на нее из-за кухонного стола. На нем лежал сломанный болторез.

Оставив входную дверь открытой (чтобы быстро убежать, если все пойдет не так, как она надеялась), Нита остановилась в дверном проеме кухни.

Она ожидала, что мать впадет в ярость, понизит голос до пугающего шипения и что-то... сделает. Придумает подходящее наказание. Нита старалась об этом не думать. Ей было страшно даже представлять, что может сделать мать в гневе.

Но та ничего не делала. Она просто сидела за столом, положив руки на колени, и смотрела на Ниту.

– Как давно? – спросила мать.

– Как давно... он ушел? – Нита сглотнула. – Где-то полчаса назад.

Мать повернула голову и взглянула на часы. Наверное, прикидывала, сколько времени потребуется Фабрисо, чтобы позвонить в МПДСС и сообщить сотрудникам их адрес. Сколько

пройдет, когда они поймут, что поймали довольно крупную рыбу, и подадут ходатайство перуанской полиции.

Это время можно сокращать на четверть, потому что в цепочке командования кого-нибудь подкупят, и этот человек с большой долей вероятности проинформирует одного из конкурентов матери. У нее было много конкурентов – она умела наживать врагов.

Мать вышла из кухни, по пути бросив:

– Собирай вещи. Мы уходим через пятнадцать минут. Возвращаться не будем.

Нита уставилась в пустое пространство, которое только что занимала мать. Где гнев? Где какая-то реакция? Ниту охватило беспокойство. Что происходит?

Тем не менее Нита сделала так, как ей велели: пошла в свою спальню, взяла рюкзак и начала складывать в него вещи. Сперва уложила самое важное: научный журнал, который она читала, и пустой кошелек. Потом выбрала кое-что из одежды, поскольку не знала, когда они останутся в следующий раз. Это были только любимые вещи – несколько рубашек, нижнее белье и джинсы. По причине недавнего переезда Нита еще не успела приобрести много новых вещей в Перу, поэтому без всяких колебаний оставляла большую их часть в комнате.

Немного пораздумав, она вытащила из-под матраса учебник для колледжа и положила его в рюкзак с надеждой, что мать не будет рыться в ее вещах.

Нита принесла свой рюкзак на кухню и увидела, как мама ест холодную пиццу из коробки. Девушка заглянула ей через плечо, но пиццы уже не было. Мать не предлагала ей ничего другого, поэтому Нита нашла морковь, вымыла ее и съела.

Затем она перекинула рюкзак через плечо и хотела проверить сообщения на своем телефоне, но вспомнила: его больше нет. Мать, с уже причесанными волосами, но не нанесенным макияжем, вышла за дверь первой.

Они могли взять такси, но мама не любила оставлять следы, да и брать такси в ночной Лиме не всегда было безопасно. Поэтому они шли пешком. Шли долго.

Проходя по улицам, Нита во все глаза смотрела по сторонам в поисках слежки. Осторожность матери передалась и ей.

Примерно через час мать привела их к отелю в районе Сан-Исидро. Это был не замызганный хостел, но и не «Хилтон». Жить, конечно, можно, но не очень приятно. Войдя в маленький номер, Нита подняла матрас, чтобы проверить его на наличие пятен крови. Их не было. Уже хорошо: Нита ненавидела клопов.

Мать поставила сумки на кровать и уткнулась в телефон. Нахмурилась, затем посмотрела на Ниту.

– Мне нужно сменить несколько адресов доставки. Я не хочу, чтобы что-нибудь из наших вещей попало в ту квартиру после прибытия полиции.

– Как ты собираешься изменить адрес, если на него уже что-то отправили? – спросила Нита.

– Я должна найти человека, который доставляет почту в наш дом, понятно?

Нита не ответила. Холодная снисходительность ответа заставила ее горло сжаться, как будто она задышалась от слов.

Мать посмотрела на Ниту и взяла сумочку.

– Мне нужно разобраться с этим прямо сейчас. Вернусь через пару часов.

– Хорошо. – Нита сглотнула. Ей не нравилось, что мать вообще ничего не говорит о ситуации с Фабрисио. – Э-э... то, что случилось...

Мать подняла руку.

– Не сейчас, Анита.

– Но...

– Нет. – Ее голос звучал низко и холодно. – Мы не будем разговаривать об этом сейчас.

Нита замолчала, но никак не могла остановить дрожь в руках.

Мать, не оглядываясь, захлопнула за собой дверь. От удара невзрачная фотография с изображением цветка, висевшая на противоположной стене, слетела с крючка и упала на твердый цементный пол. Послышался треск рамки.

Нита плюхнулась на кровать и закрыла глаза. Все могло быть хуже.

На кровати рядом с ней лежала газета. Мать взяла ее в вестибюле – скорее по привычке, чем от желания почитать. Нита взяла ее: на первой странице была фотография занни, которого она расчленила на этой неделе. Правительство подтвердило его смерть. В статье перечислялись его преступления, а также имелась некоторая общая информация о занни. Желая хоть как-то отвлечься от мыслей, Нита начала просматривать статью.

Занни, родом из Юго-Восточной Азии, – это искусные мучители, которых все знают как аморальных существ и повсеместно презирают. За последние годы они распространились по всему миру, и по причине небольшого количества стали пользоваться повышенным спросом и получать высокую плату за свою работу. У каждого знающего себе цену диктатора и маньяка-геноцидника был свой штатный занни. Нита слышала, что эти создания имеют право принимать решение за хозяина, когда тот отсутствует.

Хоть она и соглашалась с утверждением «занни – воплощение зла», она не была так уверена, что они есть в Списке опасных сверхъестественных существ. Не то чтобы Нита считала занни неопасными – в этом смысле она твердо придерживалась принципа «сначала стреляй, а потом спрашивай». Но в этом списке были существа, которым нужно было убивать других, чтобы выжить, например единороги, пожирающие души девственниц, или каппа, которые питались внутренними органами человека. В принципе, люди выживали после пыток. Иногда. Поэтому занни не нужно было убивать. Они просто причиняли людям ужасную боль, характерную исключительно для пыток.

Такие нюансы не давали Ните покоя. Нужно переопределить требования списка, чтобы внести туда занни. Что, если кто-то попытается оспорить букву закона и занни останутся разгуливать на свободе?

Нита вздохнула и отбросила газету, не в силах сейчас размышлять об этом. Голова плыла.

Она прикусила губу и, задержав на секунду пальцы над карманом, села на кровати. Затем нашла сумку матери, вытащила ноутбук, открыла свой почтовый ящик и написала сообщение отцу: *«Мне кажется, я сделала большую глупость. Мне страшно. Я еще никогда не видела маму такой».*

Ответа не было. Да и откуда ему взяться? За окном только начинал заниматься рассвет, и отец еще спит. В США недавно перевели стрелки на час вперед, а это значит, что сейчас у Ниты с отцом одинаковое время. Такое же слишком раннее утро.

Она закрыла ноутбук. Нита очень хотела поговорить с ним.

Может, просто позвонить и разбудить его?

Но у нее больше нет телефона, тьфу ты! Она могла бы позвонить ему по скайпу, если бы он не спал. Но, наверное, он пока и не просыпался.

Нита перевернулась на живот и со стоном уткнулась лицом в подушку.

Щелчок ключа в дверном замке заставил ее резко сесть. Мама вернулась? С момента ее ухода не прошло и получаса.

Дверь не открывалась.

Сердце Ниты забило быстрее. Это не ее мать. Позже она бы не смогла сказать, почему была так уверена, но чувствовала это точно так же, как колючее одеяло под ногами.

Черт возьми. Неужели за ними следили?

Стараясь двигаться как можно тише, Нита встала с кровати и огляделась в поисках оружия. Ее глаза скользили от одного угла комнаты к другому, но она видела только подушки, одеяла и рюкзак, набитый одеждой. Прокравшись чуть вперед, она подняла с пола упавшую

картину. Рамка была сделана из какого-то дерева или картона, окрашенного под дерево, как цинично подсказал ей внутренний голос. Но других вариантов не было.

Нита смотрела на дверь, стараясь дышать как можно тише и ровнее. Она ждала. Дверь со скрипом приоткрылась, и она сделала шаг назад с рамкой наготове.

Девушка была так сосредоточена на двери, что даже не заметила, как кто-то залез в открытое окно за ее спиной. Только когда игла вонзилась ей в плечо, она обернулась и увидела размытое лицо молодого мужчины. Черные волосы, темные глаза, белозубая улыбка.

Чувствуя, как организм наполняет какое-то химическое вещество, Нита пыталась не дать ему попасть ей в кровь, блокируя рецепторы и активизируя белые кровяные тельца. Однако вещество распространялось очень быстро и обволакивало глутаматные рецепторы ее нервных клеток.

Метя в лицо нападавшего, Нита замахнулась картинной рамкой, но руки словно налились свинцом, и она не смогла поднять их выше талии. Мужчина с легкостью отразил ее атаку, и она отступила назад, надеясь убежать. Если ей удастся добраться хотя бы до ванной, она сможет запереться и дожидаться возвращения матери. Мама разберется с этими людьми в считанные минуты.

Но как бы Нита ни напрягалась, ноги ее не слушались. Пару секунд спустя колени подогнулись, и она упала на пол.

Ей казалось, что сердце должно ускорить ритм соответственно охватившей ее панике, но оно билось медленно и размеренно. Грудь болела так, будто по ней ударили молотком. Только дыхание повиновалось Ните. Быстро и хрипло дыша, она издала что-то среднее между вздохом и всхлипом.

Как ее нашли? Она думала, что за ними не следили.

Все тело покалывало и немело, и через несколько секунд Нита уже даже не чувствовала, куда воткнули иглу. Она изо всех сил пыталась уползти, чтобы остаться в сознании, пока не вернется мать, но ей удалось продвинуться всего на несколько дюймов. Лицо прижалось к полу, в голове эхом отдавался стук чьих-то каблуков.

Вокруг заметались размытые образы, в глазах начало двоиться, а затем троиться, и через несколько секунд Ниту поглотила темнота.

Глава 8

Голова болела. Может быть, Нита уже очнулась? Однако она не была уверена в этом, потому что вокруг все дрожало, кто-то пел... Возможно, это просто сон. Нита приоткрыла глаза. Перед ней замелькали черно-белые пятна, и, прежде чем вернуться в бессознательное состояние, она успела понять, что рев и тряска могут быть вызваны двигателем – очень громким, как в самолете.

А может, причиной были мышечные спазмы и головная боль.

Очнувшись в следующий раз, Нита подумала, что сейчас над ней есть небо: или она сама находится в небе, или, может быть, падает в нем. Рев и гул никуда не исчезли, так что, возможно, она все еще в самолете. Если это правда самолет. Самолеты летают в небе? Здесь есть небо?

«Само собой, если ты смотришь в окно на крыше самолета, идиотка», – прозвучал голос в голове Ниты.

«В самолетах нет окон на крыше, идиотка», – возразил тот же голос.

Голубой цвет внезапно превратился в серый.

«Возможно, это не солнце, а искусственное освещение, и...»

Но не успела Нита продолжить мысль, как снова отключилась.

* * *

На этот раз, очнувшись, она осталась в сознании. В висках стучало, она дышала быстро и отрывисто, как будто пробежала стометровку, кожа была влажной от пота и чесалась. Футболка прилипла к телу.

Нита лежала на койке. Пряди волос словно приклеились ко лбу, и она подняла дрожащую руку, чтобы их отбросить. Нита попыталась подняться на локтях, но почувствовала головокружение и откинулась назад. Чем ее накачали?

Нита крепко сжала веки, чтобы сдержать слезы, но, оказалось, слез больше не осталось.

Что с ней собираются делать?

Воображение предлагало всевозможные варианты.

Всевозможные.

Горло сжалось от страха, но Нита проглотила этот страх с хриплым вздохом, очень похожим на всхлип.

«Успокойся, Нита. Страх не принесет тебе ничего хорошего. Ты даже не знаешь, где находишься. Оценивай. Анализируй», – сказал внутренний голос.

Спокойствие. Правильно. Ей нужно успокоиться. Начать паниковать можно позже, когда она осознает масштаб проблемы.

Нита попыталась сконцентрироваться и вывести наркотики из своего организма. В конце концов, какой толк от способности контролировать свое тело, если ею не пользоваться? Но это было слишком сложно. Она не могла сосредоточиться, и попытка только усилила ее головную боль.

Смочив слюной пересохшее горло, Нита попыталась высчитать, сколько времени она была в отключке. Похоже, долго. Она повернула голову, желая получше рассмотреть место, где находится, но в глазах до сих пор двоилось, а мир клонился набок. Ее затошнило. Она закрыла глаза, надеясь, что это поможет.

Пытаясь дышать ровно, Нита силилась собраться с мыслями. Ее похитили, это было ясно. Главный вопрос: это случайное похищение или преднамеренное?

Если случайное, ее будут держать ради выкупа. И хотя мать могла заплатить, Нита склонялась к мысли, что она скорее выследит похитителей и убьет их. Невозможно стать профессиональным охотником на сверхъестественных существ без навыков детектива.

Если же похищение было не случайным... то дело плохо. Тот факт, что похитители нашли Ниту в отеле, говорил о следующем: они наблюдали за ее квартирой, следили за ней всю дорогу до отеля и ждали, когда уйдет ее мать. Видимо, эти люди знали, кто такие Нита и ее мать, но, что бы они ни хотели, с матерью им придется быть осторожными.

В голове Ниты вдруг раздался противный шепот: «А что, если это мамино наказание?»

Она отмахнулась от этой мысли, не желая верить, что мать зашла бы так далеко.

Внезапно раздался щелчок пластика по бетону, за которым последовал скрежет. Нита заставила себя поднять голову, чтобы найти источник шума. Сосредоточиться было трудно – в глазах по-прежнему двоилось.

Она заметила бутылку с водой, стоявшую в нескольких метрах от нее, подползла к ней, открыла крышку и замерла.

«А вдруг в нее подмешали наркотики?» – остановила Ниту внезапная мысль.

– Почему ты не пьешь? – спросил женский голос с незнакомым испанским акцентом.

Нита моргнула, пытаясь определить, откуда звучит голос. Сосредоточившись, она разглядела две стеклянные стенки. За второй виднелся серо-розовый человеческий силуэт. Нита закрыла глаза и тут же открыла снова, надеясь, что зрение станет четче. Не помогло.

– С наркотиками? – хриплым, скрипучим голосом спросила она.

Девушка фыркнула.

– Они с этим не заморачиваются.

«Почему? И что за “они”?» – хотела спросить Нита, но в данный момент у нее были заботы поважнее. Она хотела пить, и подтверждения того, что вода неопасна, было достаточно. Она залпом осушила бутылку, однако все равно не напилась.

Вода помогла сделать то, что не смог сделать ее дар, – очистила мысли и восстановила зрение. Теперь Нита видела нормально, хотя предметы все равно немного расплывались.

Нита находилась внутри конструкции, напоминающей стеклянный ящик, с площадью примерно шесть на шесть футов. В восьми футах над головой нависал потолок. Дальнюю бетонную стену кто-то выкрасил в белый цвет, и, проведя по ней пальцами, Нита ощутила отлетающие кусочки краски. Она ударила кулаком по бетону. Он оказался прочным.

Напротив Ниты, в таком же стеклянном ящике, сидела девушка. В помещении имелось еще несколько подобных ящиков, но они пустовали.

Кожа «соседки» была серовато-розовой и не очень походила на человеческую, но в остальном девушка казалась вполне обычной. По ее плечам струились длинные прямые волосы такого же цвета, как кожа и глаза. Нос был маленьким и приплюснутым, а лицо – квадратным, с острыми скулами.

– Кто ты? – спросила Нита.

– Меня зовут Мирелла. А тебя?

– Нита. – Она покосилась на девушку. На той были бесформенные спортивные штаны и мешковатая футболка. Было сложно угадать ее возраст, но голос звучал молодо. – Сколько тебе лет?

– Шестнадцать. А тебе?

Нита облизнула губы и, проигнорировав вопрос, задала свой:

– Что тут происходит?

– Мы в плену.

«Тоже мне новость», – подумала Нита, подавляя желание закатить глаза. Вот почему она ненавидела людей.

Она продолжила осматривать комнату. Мирелла молча наблюдала за ней. Как же хорошо двигаться. Двигаясь, что-то делая, анализируя свое положение, Нита сохраняла спокойствие. Ей казалось, если она опять сядет и начнет думать, то снова запаникует.

Паника – непродуктивное чувство, его нужно обуздывать. Если бы у Ниты было больше сил, она могла бы просто подавить все химические импульсы, которые ее возбуждали. Но пока они не вернулись, поэтому пришлось избавляться от страха с помощью одной лишь силы воли.

Однако ее руки не переставали дрожать, как бы она ни старалась успокоиться.

«Сосредоточься на комнате, Нита. Посмотри внимательнее. Отсюда можно сбежать? Можно чем-нибудь воспользоваться?»

На полу лежал матрас с одеялом. Неподалеку виднелось отверстие для слива, у стены стоял керамический унитаз. Нита посмотрела вверх: из потолка торчала лейка душа, но на такой высоте до нее не дотянуться. На крючке, присверленном к стене, висел белый брезент. Нита взяла его в руки и осмотрела.

– Он ходит туда-сюда, с другой стороны тоже есть крючок. Это что-то вроде занавески для душа.

Нита повернулась к Мирелле с горькой улыбкой.

– Очень мило с их стороны – предоставить нам личное пространство.

– Ага, конечно, – рассмеялась Мирелла. – Это чтобы ты не намочила матрас. Он покрывается плесенью невероятно быстро.

– Понятно.

Нита подошла к передней стенке клетки и прижалась пальцами к стеклу. На ощупь оно было прохладным, и это логично: здесь на полную мощность работал кондиционер. Она постучала пальцем по стеклу – оно казалось крепким. Слабая, одурманенная, она всем телом навалилась на него, но лишь еще сильнее ощутила его крепость.

Потирая плечо и чувствуя себя глупо (ощущение усиливалось хихиканьем Миреллы), Нита села и осмотрела место, где лежала бутылка с водой. В стеклянную стену была врезана дверь высотой до потолка, но со стороны Ниты не было ручки. Рядом с большой дверью находилась еще одна, небольшая, перед которой с другой стороны стоял ящик. Кажется, в фильмах про тюрьмы через маленькие отверстия в двери просовывали еду, только здесь все было прозрачным или белым, а не серым.

Откинувшись назад, Нита снова ощутила зудящее беспокойство. Это было ультрасовременное учреждение – такого она от случайных похитителей не ожидала. Оно больше напоминало тюрьму из фильмов о Бонде или о космических кораблях – просто нереальное. И дорогое – плохой знак.

Нита вся напряглась, пытаясь унять дрожь, которая, словно болезнь, распространилась уже по всему телу.

– Выйти из камеры нельзя, – сказала Мирелла, наблюдавшая за ней.

Нита проигнорировала ее. Она что-то слышала. Голоса? Люди, много людей. Звук приглушался бетонными стенами, но за ними как будто собралась толпа.

– Эй! – закричала Нита, стуча по стене. – Выпустите меня! Меня кто-нибудь слышит?

Разговор не прекращался ни на секунду.

Нита глубоко вдохнула, чтобы снова закричать, но тут вмешалась Мирелла:

– Ты зря тратишь силы.

– Почему? – Нита обернулась. – Они меня не слышат?

Мирелла посмотрела на нее как на идиотку.

– Конечно, слышат. Им просто все равно.

Нита замерла. В голову закралась ужасающая мысль.

– Мирелла. Где мы?

– Ты не знаешь? – Мирелла выглядела озадаченной. – Все остальные, кто попадал сюда, знали.

Нита взглянула на пустые камеры и подумала: а что случилось с этими *всеми остальными*.

Мысль пугала, и Нита еще сильнее задрожала.

– Мирелла, – холодно сказала Нита, неосознанно подражая своей матери. – Я бог знает сколько пробыла без сознания. Я *ничего* не знаю.

Ей не понравилось, как скривилось лицо Миреллы.

– Мне жаль, – прошептала Мирелла, обвивая колени своими странными серовато-розовыми руками. – Мы в Меркадо де ла Муэрте – на Рынке смерти. Самом большом рынке по продаже частей тел сверхъестественных существ в мире.

Глава 9

Рынок смерти.

Нита слышала о нем много историй, и не только от своей матери. В то время как ее семья в основном работала в интернете, многие из более старых и авторитетных чернорыночных семей все еще сбывали товар на реальном рынке. Чтобы убедиться в качестве товара, его нужно увидеть собственными глазами – такого мнения они придерживались. Особенно так думали торговцы, которые продавали живых существ – их было трудно отправлять по почте.

Раньше самый большой реальный рынок в мире находился на восточном побережье Соединенных Штатов. Нита ходила туда в детстве только с родителями. Несколько лет назад рейд МПДСС вынудил торговцев переехать, и Нита слышала, что сейчас они расположились где-то на Среднем Западе.

Рынок смерти находился на каком-то из берегов Амазонки, однако Нита не знала, где именно. Определенно на перуанской стороне, но недалеко от колумбийской и бразильской границ. Люди садились на небольших взлетно-посадочных полосах в Колумбии и Бразилии, сплавлялись по реке, пересекали границу и приходили на рынок днем или ночью. Говорили, на рынке продают не только части тел...

Нита сглотнула. Все плохо. Очень и очень плохо.

Нита сидела в клетке на рынке, который славился продажей частей тел, в сотнях миль от всех знакомых. Сколько у нее времени до того, как ее начнут резать?

– Здесь должны быть люди, которые не имеют отношения к черному рынку, – сказала Нита, чувствуя, как голос становится выше. – Полиция? Жители ближайшего города?

Мирелла фыркнула.

– Нет, этот город был построен специально для черного рынка. Я слышала, рынок пытались разместить в других местах по всей Латинской Америке. Люди думают, что могут просто приезжать в Перу, Бразилию или куда-то еще, сорить деньгами налево и направо и делать все, что им захочется. Недавно я слышала, что торговцы рынка раздали взятки местной власти и полиции, чтобы разместить его в Андах, но жители соседнего фермерского городка узнали о происходящем и ночью сожгли рынок дотла.

Нита не верила своим ушам – люди никогда бы не предприняли подобных действий на рынках в США. Там, после того как торговцы купили власти с потрохами, местные жители просто отвернулись и сделали вид, будто ничего не происходит. Они не хотели видеть тьму и отказывались верить, что в их государстве может быть такой беспредел.

Они думали, раз США – это «страна первого мира», то в ней нет черных рынков или торговли людьми.

Идиоты.

Мирелла махнула рукой.

– А этот город? Он расположен так далеко, чтобы никакие местные жители не смогли добраться до него и прогнать торговцев, как случалось раньше. И в Перу, если ты расчищаешь и занимаешь участок земли в районе Амазонки, то ты владелец этого участка. Этот город принадлежит торговцам рынка. – Она нахмурилась. – Точнее, это не город. Я не должна его так называть.

Мирелла склонила голову и, немного подумав, сказала:

– Это торговый центр. И единственные люди здесь – это покупатели, продавцы и... – она встретилась глазами с Нитой, – и товар.

Нита хотела ответить, но передумала.

У нее очень большие проблемы.

Где-то поблизости открылась дверь. Нита напряженно прислушалась. Скрип двери был хорошо различим в шуме рынка и многолюдной болтовне, перемежающейся смехом и криками. Она различала и другие звуки, которые не могла распознать: хлопки, похожие на стук дождя по мегафону; карканье птиц и стрекот насекомых, похожий на стрекот цикад.

Дверь со стуком закрылась, и звуки стали приглушенными. Их сменил новый звук. Шаги.

Глаза Миреллы расширились. Она завернулась в одеяло и будто уменьшилась. Ее длинные волосы упали на лицо, и Нита невольно вспомнила о страусе, который, прячась, якобы прячет голову в песок. Если ты не видишь их, они не видят тебя.

Она слышала эхо голосов: одного – мужского, другого – женского.

– В этом и проблема, – говорил мужчина. – Как мне сделать что-нибудь из этого, если я не говорю по-испански?

– Ты справишься. – Интонация женщины была резкой и холодной.

Когда голоса зазвучали ближе, Нита поразились: оба говорили по-английски, причем с американским акцентом. В говоре мужчины слышался акцент Восточного побережья, а в словах женщины проскакивали те звуки, которые Нита как-то слышала в восточной Канаде и в некоторых районах Среднего Запада.

Неподалеку раздался разочарованный вздох мужчины. В следующую секунду прибывшие завернули за угол, и теперь Нита могла их рассмотреть. Оба остановились и оценивающе разглядывали ее.

Женщина казалась широкой, но не полной. Просто у нее были широкие плечи и талия, которая, должно быть, раньше была осиной, но с возрастом становилась толще. Стянутые в тугий пучок каштановые волосы прорезала седина, а лицо было белым, как майонез. Нита сделала вывод: эта женщина редко видит солнце.

Мужчина выглядел не старше двадцати – двадцати двух лет. Смуглая кожа, крепкая фигура, темные волосы и глаза. Он был ниже женщины и, вероятно, примерно на дюйм ниже Ниты. В том, как его глаза скользили по комнате, и в том, как подрагивали губы, точно пытаешься сложиться в улыбку, было что-то *неправильное*.

– Ну что ж, – сказала женщина. Выражение ее лица было одновременно равнодушным и скучающим. – Она очнулась.

Стараясь держать подбородок высоко, чтобы не показывать страх, Нита поднялась на ноги. Она приказала себе не дрожать и попыталась ограничить адреналин, кортизол и другие гормоны страха, размножающиеся, как возбужденные кролики, но почти сразу поняла, что это невыполнимая задача. Руки снова задрожали.

Женщина повернулась к собеседнику:

– Давай, Ковит.

Ковит повернулся к Ните, и она невольно сделала шаг назад. Его глаза блестели, улыбка на лице была какой-то слишком возбужденной, слишком счастливой и слишком кривой. Увидев ее движение, он фыркнул и закатил глаза.

– Расслабься, скоро все закончится.

Его голос прозвучал разочарованно.

Женщина нажала на кнопку, и дверь камеры с тихим щелчком открылась. Глаза Ниты расширились – Ковит приближался.

– Что вы делаете? – удалось пропищать Ните. Ее упавший голос был полон ужаса.

Никто не удосужился ей ответить.

Вздыхнув от предвкушения, Ковит достал из кармана выкидной нож. Взгляд парня был мягким, рот слегка приоткрылся в улыбке.

Ните совсем не понравилось выражение его лица.

Он открыл дверь и увидел, как Нита невольно сделала еще один шаг назад. Женщина, стоявшая за спиной Ковита, вытащила пистолет, зарядила его, сняла с предохранителя и стала

ждать. Вероятно, эти меры предприняты на тот случай, если Нита попытается проскочить мимо Ковита и сбежать.

А ведь она рассматривала такой вариант. Дверь была открыта. Если Ните удастся как-то пройти мимо Ковита, а затем увернуться от пуль, выпущенных из пистолета ... нет, это невозможно. Но что, если она выхватит у Ковита нож и пригрозит расправиться с ним? Сможет ли она это сделать? Нита взглянула на холодное, скучающее выражение лица женщины, и у нее промелькнула мысль: застрелит ли та Ковита, если до этого дойдет?

Нита могла только предполагать, удастся ли ей одолеть Ковита и отобрать у него нож. Вероятность этого была примерно такой же, как вероятность выиграть в лотерею без билета, ведь Нита совсем не подготовлена и до сих пор находится под действием препарата.

Ковит шагнул в камеру, закрыв дверь своим телом, криво улыбнулся и, не сводя глаз с ее лица, покрутил нож в пальцах. Он выглядел... голодным.

Горло Ниты сжалось, стало трудно дышать.

О боже. Что он собрался делать?

Только что Ковит улыбался ей своей кривой улыбкой, а в следующую секунду метнулся вперед со скоростью легкоатлета. Инстинктивно Нита подняла руки, чтобы закрыть лицо, и отшатнулась. Вместо того чтобы вонзиться в плоть, нож полоснул ее по руке. Ните как будто сняли кожу – так больно это было.

Содрогнувшись всем телом, Ковит шумно вдохнул, на лице его появилась довольная, кривая ухмылка. Он снова занес нож, нанося новый удар.

Вскрикнув, Нита немедленно отключила все ноцицепторы. Боль – или, по крайней мере, способность воспринимать ее – исчезла.

Когда Ните было семь, мать рассказала, как останавливать боль, а отец говорил, что отключать болевые рецепторы можно только в случаях крайней необходимости. Боль возникает по какой-то причине, и ее нельзя игнорировать.

Нита упала на попу и, царапая ногтями цемент, поползла назад. Она пыталась максимально увеличить расстояние между собой и Ковитом. Напрягшись всем телом, она ожидала нового выпада, но его не последовало. Ковит застыл на месте. Улыбка исчезла, выражение лица изменилось. Он больше не выглядел жестоким – его вид стал испуганным.

– Ты ее остановила, – прозвучал его полный изумления голос.

Нита сглотнула, воздух как будто застрял в горле. Она схватила себя за руку. Сердце колотилось так неистово, словно пыталось вырваться из груди и побежать. На пол брызнула кровь. На ноже Ковита висел кусочек плоти. Нита удвоила скорость свертывания. Виски запульсировали в знак протеста – сегодня она очень часто прибегала к своей способности, к тому же была почти без сил.

– Остановила что? – дрожащим голосом спросила Нита.

В широко раскрытых глазах Ковита читалась обеспокоенность, голову он склонил так, что только Нита могла видеть его лицо. Его голос прозвучал чуть громче шепота:

– Ты остановила боль.

Черт возьми, откуда он знает? Если только...

– Ты зanni.

Он нахмурился.

– Ненавижу это слово.

Он не отрицал. Нита облизнула губы, ища подходящий ответ, но в голову ничего не приходило.

Ситуация становилась все хуже и хуже. Один из ее похитителей был зависимым от боли мучителем. И похоже, эта женщина – его начальница.

У Ниты огромные проблемы.

Она уже почти забыла о женщине, когда та вдруг заговорила:

– Выходи, Ковит. Можешь поиграть с этим позже. Мы получили то, что нам нужно.

Не сводя глаз с Ниты, которая лежала на полу, свернувшись в клубок, Ковит медленно попятился на выход. Дверь за ним захлопнулась, послышался щелчок замка.

Женщина казалась довольной.

– Смотри, как быстро заживает эта рана. Ей как будто уже несколько дней. Все, как обещали.

Моргнув, Нита посмотрела на свою руку – рана действительно заживала довольно быстро. Проходил процесс рубцевания. Через несколько часов Нита будет готова нарастить новый слой кожи.

– Хорошая работа. – Женщина кивнула Ковиту. – Угол как раз такой, какой нам нужно. Камера все зафиксировала.

Нита посмотрела на маленький черный шарик с мигающей красной лампочкой, который висел в верхнем углу комнаты. Камера давала прекрасный обзор на нападение, но не захватывала лицо Ковита.

Он кивнул, несколько прядей волос упали на глаза. Словно собираясь с духом, он сделал короткий вдох и повернулся к женщине, которая улыбалась широкой кривоватой улыбкой – Нита такую уже видела.

– О, мисс Рейес, это было чистое удовольствие.

Женщина – Рейес – с отвращением скривилась.

– Не сомневаюсь.

После этих слов она повернулась и покинула комнату. Ковит продолжал улыбаться ей вслед. Когда она ушла, на его лице снова появилось задумчивое, тревожное выражение. Бросив на Ниту последний, оценивающий взгляд, он последовал за Рейес.

После его ухода Нита выдохнула. Легкие жгло так, словно их охватило огнем. Она дрожала от страха – все сильнее и сильнее. И тут Нита поняла, что не просто дрожит. Она рыдает. Нос заложило, а по щекам катились слезы.

Нита пыталась сказать своему телу, что это запоздалая реакция и опасность уже исчезла, но оно ее не слушалось. Обхватив руками ноги, она спрятала лицо между коленями и рыдала до тех пор, пока рубашка не промокла от слез.

Она плакала не только потому, что ее похитили; не только потому, что один из ее похитителей – питающийся болью психопат.

Дело еще и в другом: они знали, кто она такая; знали, что она умеет контролировать свое тело, и ожидали этого. Именно поэтому она стала их целью.

Во всем мире было только три человека, которые знали, что она умеет делать: сама Нита – разумеется, она не продавала себя; ее отец – он никогда бы ее не предал; и мать, обещавшая Ните, если та ее послушается, такое наказание, которое она в жизни не несла.

Она почувствовала, как изо рта вырывается жалкое хныканье. Других вариантов не было. Мать продала ее торговцам черного рынка.

Глава 10

Нита не могла сказать, сколько времени она проплакала. Казалось, несколько часов, но, возможно, и несколько минут. Время утратило единицы измерения, однако даже если они и были, Ните было слишком плохо, чтобы это замечать.

Как ее мать могла такое сделать?

Конечно, Нита поступила неправильно. Да, вероятно, ее поступок стоил им миллионы, но... это всего лишь деньги. Ее семья не на мели. У них было около десятка банковских счетов, о которых Нита знала, и, скорее всего, еще несколько, о которых не знала. Они годами отмыывали и скрывали деньги, полученные от продаж на черном рынке. Семье не грозила бедность.

К тому же у отца Ниты была настоящая работа с настоящей зарплатой, налоговыми декларациями и всем прочим. У них не было проблем с финансами.

О чем думала ее мать? «Пусть Нита проведет несколько ужасных дней в плену, усвоит урок, а потом я приду и освобожу ее»?

Нита цеплялась за эту слабую надежду. Мать вполне могла придумать такое наказание.

– С тобой все в порядке? – раздался тоненький голосок с другой стороны комнаты.

Нита отвернулась от Миреллы.

– У меня сейчас нет желания разговаривать.

– Извини. Я должна была предупредить тебя насчет занни.

– Все нормально.

– Не волнуйся. Сеньора Рейес держит его на коротком поводке. Она не позволяет таким чудовищам разгуливать на свободе.

Нита обернулась и посмотрела на Миреллу с отвращением.

– Поэтому мы сидим в клетках? Потому что таким чудовищам, как мы, тоже нельзя позволять разгуливать на свободе?

Мирелла закатила глаза.

– Мы здесь, потому что выставлены на продажу. Это другое.

На продажу.

Именно так – сейчас в клетке сидела сама Нита. Это она ждала монстра-садиста, который отрежет ей ухо или свяжет, чтобы выколоть глаз. Это ее кровь будет брызгать на стены, а крики – будить людей по утрам. В голове внезапно зазвучал голос Фабрисо, который умолял ее о помощи, и вдруг Нита подумала: кого она сама будет просить о пощаде?

Да и маловероятно, что она ее получит.

Нита зажмурилась и свернулась калачиком на кровати. Сейчас ей хотелось только одного – побыть наедине со своими мыслями. Мирелла на этот раз все поняла и не приставала к Ните с разговорами.

«Какую часть мне отрежут первой?» – подумала Нита.

«Прекрати. Немедленно. Это не поможет», – сказал внутренний голос.

«Ты хочешь, чтобы я просто это игнорировала?»

Пауза.

«У тебя это очень хорошо получается».

Так и есть.

Нита представила свой секционный зал. Перед глазами встает гладкий металлический стол для вскрытий, на нем тело занни. Такого же, как тот, которого она расчленяла несколько дней назад. Такого же, как Ковит. Нита подходит и начинает работу. Она представляет ложечку, которой выковыривает глаза. Представляет сердце – руки в перчатках осторожно кладут его в банку. Медленно, шаг за шагом, она расчленяет тело, пока не остается ни одной неупакованной и неподписанной части. И даже костей.

Вот оно. Так гораздо лучше. Она чувствует себя спокойнее. Теперь все под контролем, и она готова посмотреть на мир.

Нита сделала глубокий вдох. Она не знала, как далеко зайдет наказание матери, поэтому не могла рассчитывать на спасение. Нита должна выбраться сама. Ее мать уважала такие решения. Возможно, этого будет достаточно, чтобы получить прощение.

«Значит, у тебя есть вариант на случай, если мать не придет тебя спасти?» – прошептал тоненький голос в голове.

«Заткнись, – сказала ему Нита. – Папа этого не допустит. Он бы никогда на это не согласился. Если за мной не придет мама, то придет он».

– Теперь тебе лучше? – спросила Мирелла.

Нита оглянулась на девушку и в свете люминесцентных ламп заметила, что ее кожа потрескавшаяся. Возможно, из-за сухого воздуха.

– Нормально.

Мирелла мягко улыбнулась.

– Никому не нормально.

Нита вздохнула и подперла рукой подбородок. Раз уж ее соседка не хочет молчать, можно попытаться добыть какую-то информацию.

– Так ты знаешь, который час?

– Нет. – Мирелла пожала плечами. – Лампы включены все время. Еду приносят, когда захотят. Я не заметила никакой системы.

Просто здорово. Интересно, сколько времени прошло с момента ее похищения и слышал ли об этом отец?

– Э-э, Нита. – Мирелла бросила на нее косой взгляд, которым учителя смотрят на провинившихся учеников. – У тебя, э-э... интересный испанский. Откуда ты?

Нита пожала плечами.

– Мой папа из Чили, но до шести лет я жила в Мадриде. Я из...

Откуда она? Она родилась в Испании, росла в Штатах, Германии, Вьетнаме, а теперь и в Перу. Впрочем, ее не тянуло ни к одному из этих мест. Ну, разве что к Чикаго, потому что там сейчас жил отец.

– Я не знаю.

– Э-э, ну ладно... – удивленно протянула Мирелла, а затем тактично сменила тему. – Я видела, как ты заживляла рану. Это круто.

– Не совсем. – Нита посмотрела на девушку с серовато-розовой кожей. Она не очень хотела говорить о себе с незнакомкой. – Какая история у тебя?

Мирелла пожала плечами.

– Ты когда-нибудь слышала о розовых дельфинах в реке Амазонке?

– Ага. Слышала. Ученые до сих пор не могут сказать, почему они розовые. Я где-то читала, что такой цвет обусловлен минералами, находящимися в воде. В другом же источнике говорилось, что такими дельфины стали из-за того, что их кровеносные сосуды располагаются близко к коже.

Нита очень хотела поехать к Амазонке и увидеть розовых дельфинов. Она просила у матери съездить туда в ее день рождения, но та отказалась без всяких объяснений.

– На самом деле они как фламинго – едят пищу из-за которой и приобретают такой цвет. Если едят другую – становятся серыми. – Мирелла говорила медленно, как будто с маленьким ребенком, и Ните захотелось дать ей пощечину. – Но мне больше нравится легенда.

– Не поняла.

– Ну, среди тех, кто живет вдоль Амазонки, ходит древняя легенда, – устраиваясь поудобнее, Мирелла скрестила ноги и запрокинула голову, – о том, что в деревню приходит бледный

мужчина в шляпе, охмуряет девушек и, если ему удастся привлечь одну из них, забирает ее с собой к реке, где она становится его невестой, а потом топит ее в воде.

Нита нахмурилась.

– Разве не русалки топят людей?

– Они тоже, – неохотно признала Мирелла. – Более популярная версия легенды гласит, что дельфины просто оплодотворяют женщин, а на следующее утро уходят, но мне больше нравится вариант с утоплением.

Нита признала, что ей тоже.

Мирелла поменяла позу.

– Если ты снимешь с бледного мужчины шляпу, раскрывается его истинная сущность – дельфина. Он несется к реке и уплывает в другой город – охотиться за новыми невестами. Говорят, его обувь превращается в сома, а пояс – в угря, а... Ну, еще много чего говорят.

Нита моргнула.

– Так ты можешь превратиться в дельфина?

– Нет, конечно, – фыркнула Мирелла.

– Тогда к чему ты клонишь?

Мирелла скрестила руки на груди и нахмурилась.

– Я пыталась рассказать тебе предысторию.

– Да, но это всего лишь легенда. – Нита попыталась скрыть раздражение в голосе. – Меня интересуют факты. Кто ты?

– Я человек, – окрысилась она. – Такой же, как ты.

Нита вздохнула.

Мирелла продолжала дуться.

– Однако моя пигментация похожа на дельфинью. Я меняю цвет в зависимости от рациона. Все эти истории были основаны на легендах о моем народе.

Нита прислонилась к стеклянной стенке своей камеры.

– У тебя есть еще какие-нибудь способности, кроме этой?

– Нет.

– Никаких других изменений?

Нита и не надеялась услышать другой ответ. Цвет кожи меняется благодаря наличию в пище каротеноидов. Люди, особенно младенцы, тоже могут в некоторой степени менять свой цвет. Она читала о детях, которые становились желто-оранжевыми из-за того, что ели слишком много моркови, а их матери почти всегда списывали это на желтуху. Еще в далеком детстве Нита пыталась менять свой цвет, но делать это оказалось сложнее, чем ей казалось, плюс в ее коже изначально было много меланина.

С тех пор она не пыталась экспериментировать с цветом кожи, хотя думала, что сейчас ей удастся его изменить. Может, в двенадцать лет и круто быть искусственным хамелеоном, но в данный момент Нита не видела смысла, тем более вряд ли сильно поможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.